

Рецепт идеального волшебства

Полина Ром

An illustration of a woman with long, wavy blonde hair and blue eyes, wearing a light blue, long-sleeved dress with white floral patterns. She is standing in a library, holding a rolled-up scroll in her left hand and a book in her right. The background features bookshelves filled with books, a window with orange curtains, and a desk with a lamp and books.

Метаморфозы КАТРИН

Спаси себя. Изменить мир.

Рецепт идеального волшебства

Полина Ром

Метаморфозы Катрин

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ром П.

Метаморфозы Катрин / П. Ром — «Издательство АСТ»,
2024 — (Рецепт идеального волшебства)

ISBN 978-5-17-153690-9

Новый мир выдал Катрин скучную внешность и будущего мужа, который не слишком нужен. Да и сама она пока еще просто ребенок. Но это не значит, что стоит сдаться и сложить лапки. Любая девушка нашего времени знает неизмеримо больше средневековой красавицы. Так что внешность – не главное. Нарисуем – будем жить...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153690-9

© Ром П., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Полина Ром

Метаморфозы Катрин

© П. Ром, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Иногда я вспоминаю прошлую жизнь. Я точно знаю, что она была, но сейчас уже кажется сказкой. Страшноватой сказкой...

Мать умерла родами, отец пытался оставить меня в роддоме. Если бы не моя бабуля, кто знает, что бы было со мной. А так я жила в поселке городского типа, в частном доме с водой и газом, работала в огороде, вязала, немного шила и вышивала. Ходила с бабуей Светой в лес за малиной и грибами, за земляникой и травами. Часть трав мы сдавали скупщикам, это тоже копеечку приносило.

На травяные деньги бабушка оплачивала мне интернет. Конечно, компьютера у меня не было, но мне и телефона хватало узнать все, что нужно. Заодно телефон решил и проблему чтения. Все же бумажные книги – это очень дорого. И в доме у нас были только старые советские издания. Зато самое лучшее из классики и поэзии, практически все, что нужно было по программе в школе, стояло в книжном шкафу.

Алименты от отца были крошечные, приходилось экономить. Но я никогда не голодала, у меня был чистый уютный дом и любимая бабуля. И холодное молоко с теплыми булочками на завтрак, и крошечная беленая комнатка с тахтой и письменным столом, где я делала уроки, и черный как смоль ленивый и нахальный Плис, которого бабушка назвала в честь своей старой жакетки. На ней, на этой плисовой жакетке, Плис спал и лентяйничал днем.

И старенькая, уже седая Тренька. Еще щенком ее пытались повесить малолетние ублюдки. Так что лаять она так и не смогла, а иногда тихонько тренькала, как говорила бабуля.

Тренька и ушла из жизни первой, дожив свой немаленький для собаки век в любви. Плис пропал через полгода, уже после похорон бабушки. Я нашла его на сороковой день, мертвого, на его обычном месте. Похоронила в саду, вместе с его любимой жакеткой, под старой яблоней, рядом с Тренькой.

Думать о смерти бабушки я просто не могла. Мне казалось, что я проваливаюсь в какую-то черную пропасть без дна. Я все время уговаривала себе, что она просто уехала... Просто уехала и ей там хорошо...

Приходили соседи, помогали. Тетка Люба звала пожить к себе, но сама мысль оказаться в чужой семье мне не нравилась. Хотя и дома мне было тяжело, все казалось странным и не моим, не таким, как при жизни бабули. Но школу я окончила, хоть и без медали.

Благо мне уже было семнадцать, и ни в какой детприемник я не попала. Приходили дамы из опеки, проверяли, как я живу. Аж два раза приходили. Но мне хватало алиментов и запасов дома. Огород я обрабатывать умела, так что за это можно было не переживать. Вот только что делать дальше, я не знала. Планировалось, что я поступлю в институт в городе и буду жить в общежитии, а летом работать. Ну, и бабуля поможет. Кое-что она откладывала.

После экзаменов я пошла работать в магазин. Точно еще не знала, как и что, но алиментов уже не было, а есть нужно каждый день. Там и проработала почти целый год. И вот тогда-то судьба и решила меня порадовать.

Толстый конверт почтальонша тетя Вера принесла мне прямо на работу. Я расписалась за доставку.

Раньше она приходила к нам каждый месяц, приносила бабушкину пенсию и второй раз – алименты. Теперь мы с ней почти не виделись. Последние алименты отец перевел почтовым переводом и приписал, что больше ничего не должен.

Тетя Нина и Зинка, которые работали со мной в одну смену, окружили меня и ждали, пока я вскрою конверт. Зинка аж посапывала от напряжения. И тетя Вера не уходила – всем было любопытно, что скрывается в конверте с обратным адресом:

г. Москва,

ул. Краснознаменная, д. 12

Нотариус Вержицкая Ю. С.

Там была копия завещания некой гражданки Гудовой Валентины Михайловны.

Богатая была дамочка. Несколько квартир в Москве. Их она завещала различным Гудовым. Но одна из квартир, двушка на улице Таганской, была завещана Романовой Екатерине Андреевне, то есть мне.

Еще лежало письмо от нотариуса, что мне нужно позвонить по номеру телефона такому-то и вступить в наследство не позднее определенного срока.

– Тю, Катька, так то бабка твоя померла, ну, что по отцу-то бабка... Богатая теперь будешь, замуж выйдешь за москвича!

Тетя Нина всегда была не слишком деликатна.

Разговоров о том, что я теперь москвичка и богатая невеста, было столько, что через неделю я не знала, что делать. С вопросами и пожеланиями лезли все.

Приставали парни, которых я знала только в лицо. Звали в кино, на свидание, пытались дарить обломанную на кладбище сирень. Напрашивались в подруги девицы из школы. Даже Лена, которую я считала своей лучшей подругой, повела себя странно.

Нотариусу я позвонила, дама уверенным голосом объяснила, как они работают, когда нужно подойти, поставить подписи и получить ключи и еще конверт, который мне оставлен.

Через неделю я поняла, что нужно уезжать – жить спокойно мне здесь не дадут. Да и учиться лучше точно в Москве. Вторую комнату можно сдать и на эти деньги спокойно выучиться.

Дом я продала с великим трудом. Весть о богатой москвичке облетела весь поселок, и цену мне предлагали просто неприличную. Повезло, что выкупили домик приезжие пенсионеры. Продавала я со всем имуществом, со стиральной машинкой, мебелью и микроволновкой, так что на поездку и года на два жизни у меня деньги появились.

Цены на московские продукты и квартплату я предварительно уточнила в инете. Если не шиковать, хватит даже года на три. А летом, в каникулы, я буду работать.

С собой я собрала немного вещей. Чемодан с бабушкиными салфетками и подзорами отнесла к соседке, тетя Любе. Попросила сохранить в кладовке. Знаю, что не слишком это все популярно, но потом обязательно заберу.

На поезде я ехала первый раз, и это было так здорово!

* * *

Свои тридцать лет я встретила в инвалидном кресле. В хорошем инвалидном кресле, удобном и дорогом.

В девятнадцать, когда я ринулась покорять Москву, я была малолетней идиоткой.

Прямо в нотариальной конторе я познакомилась со своим принцем. Принца звали Даниил. Да, вот не Даня и не Данил, а именно так – Даниил. Но мне он разрешил называть себя Дэн.

Я умирала от любви, глядя на ямочку от улыбки, на широкие плечи и русые природные кудри. Он читал Чехова и Куприна, знал наизусть Ахматову, Цветаеву и Гумилева. Он прекрасно декламировал «...Далеко, далеко, на озере Чад...» и казался мне самым умным и тонким человеком в мире. Занимался в театральной студии и собирался поступать во ВГИК. В следующем году. В этом он, увы, как и я, провалил экзамены... Я так и называла его: «мой сказочный принц». Идиотка...

Поступить я не смогла, но сразу же записалась на платные курсы при институте. В следующем году мне будет проще. И даже нашла подработку. В «Макдональдс» меня не взяли, но взяли в кафе «Пушкинь» официанткой с удобным для меня графиком – во второй половине дня. Шесть часов с выходным в понедельник. И очень близко к дому.

Моя квартира была прекрасной двушкой, с отличным ремонтом и очень удачным расположением. Раньше ее сдавали, но как раз после ремонта, между квартирантами, она мне и досталась. Высоченные потолки, огромные окна, светлая, просторная – мечта, а не квартира. Дэн переехал ко мне через два месяца.

Сам он до этого жил с мамой, Марией Павловной, продавщицей в сетевом маркете, в двухкомнатной хрущевке очень далеко от меня, поэтому меня не смутило его предложение жить вместе. Я была просто счастлива и не замечала ничего – ни кривых улыбок его мамы, ни шипения старшей сестры, которая вышла замуж в подмосковный городок. Все это я вспоминала и анализировала уже потом, после того как моя жизнь разбилась на две части. И вовсе не квартира послужила точкой невозврата.

Мы прожили почти всю зиму в мире и любви. В мире, который я сотворила сама. Правда, Дэн маловато помогал по дому, но творческие личности – они такие... И зарабатывал редко – ну, как и где мог заработать артист, кроме массовок? А их было не так и много.

Брать же деньги у матери он категорически отказывался – не пристало мужчине висеть на шее у мамы. А мама не ленилась ездить каждые три-четыре дня к нам и даже завела свой ключ. Это меня несколько напрягало, но возражать я стеснялась. Даже когда она не слишком вежливо критиковала мою стряпню.

Деньги от продажи дома таяли, но в конверте от Валентины Михайловны Гудовой – бабушкой я ее так и не смогла называть – лежали для меня еще пятнадцать тысяч долларов. На них мы и купили Дэну машину. Весной мы собирались поехать на ней в отпуск.

В этот день Дэн был чем-то расстроен, нервничал и ругался, что я опаздываю. Хотя с вечера сам обещал отвезти меня на курсы. Спать я легла под утро, неожиданно в кафе заказали юбилей, гости сидели до упора, и домой я вернулась гораздо позже, чем обычно.

Как только я нырнула в тепло машины, глаза начали слипаться. Поэтому саму аварию я не видела. Какая-то неведомая сила вырвала меня из кресла и кинула вперед, дикая боль от врезавшегося ремня или еще от чего-то, скрежет металла, и потом, уже в конце, удар с правой стороны, который, как говорят, практически оторвал мне ногу. Но я этого уже не почувствовала – сознание я потеряла раньше...

Слишком тягостно вспоминать месяцы в больнице. Два раза приходили из милиции. Или гаишники. Я была после наркоза и не слишком хорошо соображала. Второй раз мужик принес

мне апельсины и коробку сока, но я так и не смогла ему помочь и хоть что-то рассказать. Телефона у меня не было, Дэн не приходил, постоянные боли, две операции, ногу сохранили, но...

Ходить я не буду. Никогда.

Я знала, что на лице у меня тоже шрамы. Пусть и не слишком уродские, но много мелких.

Дэн появился ближе к выписке. Говорил о любви, о том, что никогда не бросит, что будет сам на руках носить. И главное – наша любовь, а все остальное мелочи. Раньше он прийти не мог, его таскали в милицию, показания, то и се, он свидетель. Мне было все равно...

Он перевез меня домой, меня ждало простое неудобное кресло, хуже больничного. И его мама. Она молчала, поджимала губы и вроде как брезговала мной. Хотя я уже научилась подтягиваться на руках и сама ходить в туалет, сама садиться на кресло, сама наливать чай и накладывать еду.

Руки, слава богу, не пострадали. Но все было неудобно, нужны были специальные ремни у кровати, поручни в ванной и туалете. Да много что было нужно. Только вот поговорить об этом с Дэном не получалось – он приходил домой совсем поздно.

Закончились наши отношения в тот момент, когда он забыл выйти из ноута. Меня всегда раздражала его привычка оставлять неработающий ноут открытым. Я подъехала и просто хотела закрыть, но экран вспыхнул и развернул очень интересные вкладки.

«Как оформить опеку над инвалидом первой группы».

«Пансионат для инвалида».

«Оформление инвалида в интернат».

«Оформление инвалида в государственный интернат».

До этого момента я вообще не понимала, как и зачем дальше жить. Но злость быстро учит. Я сидела и читала, смотрела справочники, законы, нормативные акты почти до обеда. Думала я не слишком долго, все и так было понятно.

Выписала на бумажку несколько телефонных номеров. Паспорт нашла на обычном месте, в столе, а вот денег, что оставались, довольно крупной суммы, не было. Но внутренне я уже была к этому готова. Выдернула шнуры у ноута и спрятала его в кровать. Достать заначку было сложно, но я справилась. На кухне нашла телефон Марии Павловны и позвонила по одному из номеров. Дала адрес и обещала чаевые, если вотпрямщас, и стала ждать.

Звонок в дверь раздался через час. Под вопли и оханье Марии Павловны два крепких мужика помогли мне выкатиться на площадку, в лифт и по ступеням из подъезда. Погрузили в микроик и отвезли в ближайший салон сотовой связи.

Первый мой звонок был в соцзащиту. Я получила довольно исчерпывающую информацию. Помощника, пусть и платного, мне обещали прислать на днях. Второй звонок мне пришлось сделать вечером. Добровольно уходить из квартиры они оба отказались. Они орали и объясняли, что все для моего блага. Но я знала, что так будет.

Телефон заранее спрятала в ванной комнате. Заехав туда, я заблокировала дверь, прикрепила к ней коляску и закрепила ее на тормозах. И вызвала милицию.

Объясняла не слишком долго: на мое счастье, Дэн начал ломиться в дверь так, что дежурный это услышал. Мой сказочный принц даже не успел выломать дверь в ванную – его отвлек звонок в прихожей.

Они оба, и Дэн, и его мать, еще поорали, когда крупный мужик в форме потребовал покинуть квартиру. У меня был паспорт с пропиской и документы на квартиру. Крыть им было нечем. Может, это и хорошо, что я получила такой плевков в лицо. Первое время я держалась только на злости, мне хотелось доказать всему миру, и им в первую очередь, что я и без них обойдусь. Глупо, я понимаю...

* * *

Постепенно жизнь устаканилась. Нельзя сказать – нормализовалась, нельзя...

Починили дверь, соцзащита помогла оформить пенсию по инвалидности. Доплачивали немного городские власти. Но!!! И это было очень большое «но». Денег на нормальную жизнь мне не хватало. Сохраненные остатки былой роскоши дадут мне еще полгода, может, год спокойной жизни. Потом я скачусь в нищету.

Мне нужны качественные обезболивающие. Раз в год реабилитационный курс, который тоже стоит недешево. Мне нужно хорошее кресло, а не этот сундук. Мне нужны нормальные продукты, а не макароны по акции. Даже если я видела акцию, сходить сама я не могла.

Женщины, которых посылали из соцзащиты, менялись. Я дергалась от каждого нового лица, мне не хотелось снова знакомиться и привыкать. Мне нужны были деньги. Я долго выбирала в интернете домашнее хобби, наконец, остановилась на мыле. Кусок такого стоил около двухсот – двухсот пятидесяти рублей.

Я смотрела ролики на ютьюбе, завела группу в контакте, завела страницу в одноклассниках, зарегалась на фейсбуке и в инстаграме.

Выписала себе формы, основы, масла, красители. Я купила весы и термометры. Я готова была продавать даже дешевле, но все это было не то. За первый месяц в группе зарегистрировалось около сорока человек, и я отправила по почте шесть кусков мыла. Минус почтовые расходы, минус небольшая доплата соцработнику... Минус чистой воды...

Я понимала, что зря израсходовала такую сумму. На хорошую идею меня натолкнула модная блогерша. Даже не помню, как попала к ней на страницу. Но эта девица хвасталась натуральной косметикой из какой-то арабской страны и заоблачной суммой, которую она потратила, достаточно тонким и противным голосом убеждая фолловеров, что на здоровье и красоте экономить нельзя и для ее кожи годится только все самое лучшее... Дай бог здоровья этой раскрашенной дурочке.

Я смотрела на товары, которые она распаковывает на камеру, и понимала: вот они, мои деньги. Мало сварить хорошее мыло или сделать тушь из натуральных продуктов. Нужно показать, КАК ты это делаешь. Нужно показать процесс, нужна шикарная натуральная упаковка. И стоять это должно дорого. Я должна создать дефицит своей продукции.

Я засела за изучение роликов, просмотрела несколько курсов в инете по монтажу. Спецом я не стала, но что и как показать, как это выполнить технически и как оформить, я поняла. В группах я повесила объявление, что беру незапланированный отпуск в связи с отъездом на курсы повышения квалификации. И аккуратно намекнула, что заграничные курсы стоят недешево.

Нет, я не собиралась травить своих покупателей дешевыми ингредиентами. Но я сняла первые три ролика, на которых закадровый голос, мой собственный, подробно объяснял, что косметика делается только из натуральных ингредиентов, только в посуде из стекла и камня. Иногда допускается керамика ручной работы. Никакого металла, кроме серебра, – металлы плохо влияют на энергетику.

Весь упор я делала на то, что такая работа по определению не может стоять как – немного презрительной интонации в голосе – все, что вы покупаете у обычных мастеров. Я сварила тушь, сварила шесть кусочков мыла с кофейным скрабом и несколько крошечных стеклянных баночек с бальзамом. Бесцветным и розовым. Пробки были, разумеется, из пробкового дерева.

И все это я упаковала в натуральную бумагу, которая выглядела как крафтовая, в опилки и красивые картонные коробочки. Их я склеила сама. И подчеркнула, что даже клей для коробочек абсолютно натуральный. Ну, мучной клейстер не может быть ненатуральным.

Сама я в камеру не попадала. Только руки с аккуратным маникюром или в тонких одноразовых перчатках. Ролик я отдала монтировать профессионалу. За деньги, которые таяли на глазах.

И ничего из этого я не стала продавать в группе, а на вопросы отвечала, что делаю только под заказ. Партия минимум на трех человек, максимум на шестерых. Большие объемы я не варю.

Через неделю в группе было сто болтающих в коментах девушек, которые обменивались самопальными рецептами. И я закрыла группу для новичков.

И повесила для оставшихся новое объявление. Что группа закрыта в связи с невозможностью отвечать всем новеньким на вопросы, что я устала набирать компании, так что, милые дамы, собирайтесь сами, я получаю деньги и отсылаю товар одному человеку, микропартией. И чтобы новичку вступить в наше закрытое сообщество, пусть за него поручатся два человека из уже присутствующих в группе.

Тридцать шесть человек отписались. Я чуть не со слезами наблюдала, как тает с таким трудом набранная сотня. Полной уверенности, что я все делаю правильно, у меня не было. Я молчала, комменты под роликами стихли, а потом посыпались просьбы «Взять в группу одну очень хорошую знакомую, ну, вы же понимаете, здесь не у кого просить вторую рекомендацию!» и «Вы не могли бы сделать небольшую партию в подарок, только чтобы упаковка как в ролике, я доплачу за срочность!».

С тех пор эта лакшери-группа начала приносить доход. Постоянный и стабильный, пусть и не гигантский. Но количество заказов росло, я периодически делала небольшие посты на тему натуральной косметики, плюсы и минусы, как хранить, как пользоваться и прочее.

Через полгода мне пришлось нанять помощницу – я не успевала. И меня несколько не беспокоило, что я беру за свою косметику такие суммы. Нравится богатеньким дурочкам ощущать свою эксклюзивность – да любой каприз за ваши деньги. Не хотели брать натуральные продукты по сто пятьдесят рублей за кусок – купите за шестьсот.

Затейливые формочки я больше не использовала. Брусок, нарезан вручную, и это видно, оберточная бумага, которую я слегка мяла и терла, стружка из зоомагазина, в которую я капала несколько капель эфирного масла. И коробочки ручной работы.

Я варила тушь, делала помады и бальзамы. Варила шампуни на травах. Все без обмана, все из хорошего натурального сырья. Но – за три цены.

Минус натуральной косметики в том, что большая ее часть имеет очень ограниченный срок годности. Для меня это был плюс. Заказы шли потоком, и даже с помощницей мне иногда приходилось работать и упаковывать по восемь-девять часов в сутки.

Выходные я брала редко, но и нужды в деньгах не было. Через год я наняла еще одну помощницу, сделала ремонт в квартире: мне повесили турник, ремни – качать пресс, всю квартиру оборудовали для инвалида.

Еще через год я выписала себе отличную коляску. Сама я уже не варила, только наблюдала, чтобы девушки не нарушали технологию, следили за температурным режимом и упаковывали тщательно. Товар не должен страдать при доставке.

Такая суэта меня напрягала. С утра до вечера в доме толклись люди. Я уже не боялась остаться нищей, но мне нужен был отдых. Психологическая разгрузка. И я заказала в интернете крючки и нитки. Вязание всегда меня успокаивало. Я стала подумывать о загородном доме. Там можно будет сделать отдельную мастерскую. И, может быть, машину с ручным управлением? Ну, двадцать седьмой день рождения я встретила за рулем, возвращаясь из торгового центра в свой новый загородный дом.

* * *

Мой дом был прекрасен. Я могла открыть распашные двери и выехать прямо на участок. Все было подогнано до миллиметра для моего удобства.

Я много читала, все, что попадалось под руку. И классику, которую любила с детства, и фэнтези про попаданок, и иногда даже ужастики и детективы, смотрела кино, вела бухгалтерские книги чисто для себя, заказывала ингредиенты и отслеживала новые тенденции в косметике.

Иногда лично готовила на камеру какой-нибудь сверхдорогой скраб с жемчугом или перламутром. Иногда – пудру или тени из слюды.

Стоимость монтажа ролика вбивала в стоимость продукта. Наладила выпуск теней из талька – они были немного дешевле, и их покупали целыми палетками.

Моя домработница Наташа, хохотушка и болтушка, готовила потрясающе вкусно, содержала дом в чистоте и развела целый ботанический сад. Даже когда за стеклянными дверями веранды мела метель, у меня в доме обязательно что-то цвело. Декабристы и орхидеи, цикламены и индийская азалия, полыхали алым прицветником пуансеттии.

Я платила ей отличную зарплату и не забывала баловать подарками для детей и для нее самой. У мастерской было два входа. С улицы и из зала-гостиной. Там были установлены камеры, я отслеживала с ноута весь процесс.

Про камеры все знали, платила я хорошо и хоть и не сразу, но собрала команду, которая отлично работала и не пыталась воровать или халтурить. Тем более что для себя я разрешала им покупать по очень божеской цене, даже ниже, чем у среднего мастера в интернете. За это время моя закрытая группа разрослась весьма существенно. В любом случае в цену были заложены ингредиенты и зарплата, так что все были довольны.

Я не на шутку увлеклась ирландскими кружевами. Начинала с маленьких компактных брошей. Навязала их разных чуть не полсотни, набила руку и замахнулась на платье. Мучилась я с ним долго, часть пришлось переделать. Размер я выбрала универсальный – от 42 до 46. А связав, поняла, что я это не надену – мне просто некуда. А вышло оно необыкновенной красоты.

Долго думала, нашла в интернете фотографа, договорилась, что модель он привезет с собой. А лучше двух, с разными фигурами. Стоимость съемки я вбила в стоимость платья. И цену поставила не стесняясь. Это действительно очень трудоемкая работа. Платье выставила в своей группе, написала, что привезли для меня из лондонского бутика, ручная работа, но мне не подошел цвет.

В группе я ни с кем не вступала в личную переписку. Думаю, если бы они узнали, что я калека, группа рассыпалась бы в тот же день. Пост с фотографиями платья провисел два дня. Цена была лихая. На второй день к вечеру оно нашло своего покупателя.

Все, просто все у меня было в шоколаде, кроме одного: ходить я никогда не буду. Иногда я тихо выла по ночам в подушку...

Тридцатый день рождения я отмечала, как обычно, в одиночестве. Выпила почти полбутылки «Курвуазье» и поехала спать. Слезы текли сами собой, я даже не стирала их, а просто размазывала по лицу...

На окне в комнате сидел ангел. Нормальный обычный ангел, все как положено: белая хламида, крылья горбом за спиной и светящийся круг над золотыми кудрями.

Первая мысль была: «Допилась, голубушка!».

Но я редко пила спиртное, просто не чувствовала тяги, а ангел был слишком реален. Поэтому я подумала и сильным голосом сказала:

– Ну, привет...

* * *

Похоже, мое приветствие его удивило.

– Что, и креститься не будешь?

– Нет, знаешь ли... Может, ты обычный инопланетянин, чего ж я, как дура, буду руками махать.

Помолчали... Но бредовость ситуации на меня давила...

– Ну, так ты у нас кто?

– Принципиально непознаваемая сущность.

– Забавно. Значит, все же бог?

– В какой-то степени.

– И зачем ты мне явился?

– Ну, возможно, хочу дать тебе шанс.

– А возможно, вовсе и не хочешь... Давай уж по-простому, изложи суть предложения.

– Тело. Молодое и здоровое.

– А еще что?

– А тебе мало?

– Смотря с чем сравнивать.

– Хорошо, а что ты еще хочешь?

– Я хочу знать минусы.

– Ну, я ведь и соврать могу.

– Если мы сейчас начнем углубляться в проблемы лжи и поиск определения истины, мы с тобой оба умрем раньше, чем договорим.

– Ты интересная, жаль, что раньше не обратил внимания.

– Итак, по порядку, что тебе нужно и что предлагаешь взамен. Излагай.

– Переселение тебя в другое тело. Это и предложение, и то, что мне нужно.

– А носитель? Умрет?

– Нет. Но уйдет в другой мир. Она уже, кстати, согласна.

– Ага, ты меняешь нас местами.

– Нет. Там очень длинная цепочка, много тысяч сущностей и сотни миров. Ты можешь стать звеном.

– Тебе-то это зачем?

– Рокировка. Продолжение игры.

– А что получу я?

– Молодое и здоровое тело.

– Это ты уже предлагал. Я, конечно, хочу на ноги встать. Но ведь могу оказаться в мире, где сразу умереть предпочтительнее, чем жить. Ну, например, ведьмой в руках средневековой инквизиции очнуться – лучше сразу сдохнуть, чем много месяцев пытки выносить. Так что давай поподробнее. Если бы мог сделать без разрешения – сделал бы. Значит, тебе мое согласие принципиально важно.

– Какая жалость, что я тебя не рассмотрел раньше! – Он поморщился, и нимб тихонько начал гаснуть. – С другой стороны, ты же не познакомишься лично с каждой бактерией? Вот и я не мог... Ладно, слушай... В творцов миров и цивилизаций мы уже наигрались. Пространство и время гораздо более интересные игрушки. И менять их необязательно своими силами. Тебе без разницы, что и как, в вашу жизнь мы не вмешиваемся. Ну, практически... Но если требуется вмешательство, должно быть согласие. При рокировке я получу бонусы на других пространствах и в других мирах. Но, составить цепь перемещений – не так просто. Я могу найти тебе замену, хотя на это уйдут ресурсы. Поэтому не слишком торгуйся... Это будет достаточно

банальный мир. Ну, где-то ваше средневековье. Население – люди. Генетически вы идентичны. Ты будешь дочерью лорда. Весьма приличный статус и старт. А дальше так и будешь жить, как сама сумеешь. Вмешиваться никто не станет. Вы, перемещенные, некоторым образом получаете статус неприкосновенности. Да и не играем мы с вами, наигрались уже, я же говорил...

Крылья стали серыми, а потом загорелись красивым оранжевым огнем.

– Что не так с моим донором?

– Все так, но замуж она не хочет.

– Что не так с мужем? Маньяк? Садист?

– Нет. Муж как муж, это ее личные страхи и предубеждения.

Все же алкоголь под действием адреналина выветривался, меня пробрала дрожь – ведь это все реально, ведь я правда смогу быть здоровой и ходить...

– Ну, решай уже. Время – тоже ресурс, я не хочу тратить его бессмысленно...

– Есть условия!

– Какие?

– Срок жизни – триста лет.

– Нет. Там столько не живут. Обычные девяносто-сто ты проживешь...

– Я хочу ребенка!

– У тебя и так будет ребенок. Через шесть лет ты родишь первого сына.

Господи! Ну я и дура! Я даже не знаю, что потребовать-то...

– Пусть мои дети будут здоровы и проживут долгую счастливую жизнь!

– Все. Да или нет?

– Да!

Я сидела в собственном кресле в собственной спальне и не понимала – это было или все же я от одиночества чокнулась? Может, мне нужно вызвать санитаров и отправляться в дурку?

Заехала в душ, вымылась, надела чистое белье, отметив про себя, что так на Руси к смерти готовились. Подумала, накинула футболку и села за комп. Надо убрать все личное. Бизнес пусть живет, все контакты и рецепты пусть будут, а вот все личное – удалить...

Думаю, что там, за компом, я и уснула...

* * *

– Леди Катрин, вставайте! Просыпайтесь, а то леди Тирон разгневется! – Меня кто-то тряс за плечо.

Понимание, что я не сошла с ума, пришло сразу. Вместе с ним пришел и страх. Катрин – это я. И говорят не на русском. И не на английском. Со скуки я весьма сильно увеличила свой школьный багаж языка. Но я все понимаю. А говорить смогу?

– Прекрати меня трясти! Я уже проснулась!

– Леди Катрин, надо одеваться и идти, леди Тирон приказала сразу после завтрака привести вас.

Я открыла глаза, глупо так прятаться от новой реальности. Но все равно страшно. И очень холодно. В комнате из камня и почти без мебели.

Мне казалось, что с первых слов догадаются, что я – подменши. Но пожилая тетка рядом со мной ни о чем таком не думала, а просто тянула меня за руку с кровати. Я вырвала руку, слегка шлепнув ее по предплечью.

– Не хватай меня, я сейчас встану.

Я помнила, что тело здоровое, но первый шаг мне дался нелегко. Казалось, что все мышцы в ногах окаменели, я пошатнулась и чуть не упала. Тетка подхватила меня и усадила опять на кровать с сероватым несвежим бельем.

– Давайте уже одеваться, леди.

На ней было засаленное до невозможности суконное платье ниже колена, но не в пол. Сверху серый передник с пятнами.

Пока я сидела, она натянула на меня толстые вязаные чулки из колючей шерсти и кожаные туфли. Ноги у меня как палки, тощие, аж синеватые, груди еще нет совсем. Потом тетка стянула меня с кровати и, поставив рядом с собой, ловко, прямо на ночную рубашку, надела тяжелое суконное платье, зашнуровала его на спине и сверху – меховую неуклюжую безрукавку на завязочках. Не могу сказать, что это меня сильно согрело. Я с интересом осматривала свои руки, а в душе поднималась волна восторга: я могу ходить! Я больше не прикована к креслу! Господи, спасибо тебе, если ты есть! Не знаю, кто там у меня был под видом ангела, но и тебе – спасибо!

А руки были детские, худые, с тонкими аккуратными пальчиками. И очень нежной кожей на ладонях. Красивые руки. Нужно бы узнать, как зовут женщину. Тут мне повезло. Из-за двери кто-то крикнул: «Дага, иди заведи завтрак!»

Тетка оставила меня в покое и вышла в коридор. Я осмотрелась: каменная комната, узкое окно, как бойница. Стекло покрыто изморозью и часть ее подтекает каплями прямо на подоконник. Кровать с двумя подушками, не слишком теплым одеялом и сероватым грубым бельем. В стену вмурован камин. Он не топится. Рядом с ним стоит низенький стульчик со спинкой. Плохо обработанное дерево, даже трещина на сидении. Ближе к окну дощатый стол и на нем грязная миска с остатками непонятно чего. Хлебные крошки и глиняная кружка с запахом кислого вина.

Ненормальные, что ли? Ребенка вином поить!..

Вернулась Дага, выставила с подноса на стол миску с каким-то месивом, но хоть горячее, прямо парок над ним, кусок серого ноздреватого хлеба, сунула мне в руку большую неудобную ложку и, поставив на стол кружку с горячим напитком, стала сгружать грязную посуду на деревянный поднос.

– Кушайте быстрее, леди.

– Дага, я в туалет хочу.

– Так ваза ваша под кроватью, как всегда.

И вышла из комнаты.

Ваза, я так понимаю, это ночная ваза, горшок, по-русски говоря.

Я встала на колени и полезла под кровать. Ага, вот и он.

Горшок был без крышки и уже использован... Гадость какая... Но деваться особенно некуда и некогда. Я не нашла в комнате ни воды умыться, ни полотенца. В углу еще стоял небольшой сундук с замком. И все. А выйти в коридор я не рискнула.

Попробовала кашу – размазня, что-то типа гречки без соли и сахара, но горячая. Неохотно съела несколько ложек. В кружке был горячий травяной отвар, даже немного с медом. Я выпила его и осталась сидеть за столом. Что делать дальше, пока не знала.

Вскоре вернулась Дага.

– Пойдемте, леди Катрин, вас уже ждут.

– Дага, мне нужно умыться.

– Зачем?

– Дага, ты чья служанка?

– Ваша, леди, с самого детства – ваша. Что это вы спрашиваете?

– Если ты моя служанка, почему ты задаешь мне вопросы, а не делаешь то, что мне нужно?

Она посмотрела на меня, вздохнула, взяла за руку и повела за собой. Привела она меня на кухню, где слила на руки теплой водой и дала вытереть лицо относительно чистым кухонным полотенцем. Ужасно!.. Я дама терпеливая, но в таких условиях жить... Горел открытый очаг,

суетилась высокая костистая повариха, командовала и ругалась. Мрачный мужик наливал воду в большой котел у очага, суетились две молодые девчонки.

Ладно, надо бы выяснить, что там с моим замужеством.

– Все, леди Катрин? Теперь вы довольны?

– Пока да.

– Пойдемте, а то леди Тирон опять злиться будет.

Дага вела меня по промерзшим коридорам дома? Замка? Непонятно...

Комната, в которую она меня привела, отличалась от моей. Сильно. В ней было тепло – горели сразу два камина. На полу лежал толстый ковер. И, похоже, даже не прямо на полу. Очевидно, под ним еще слой войлоков – он приподнят над полом на несколько сантиметров.

На ковре красивая молоденькая девушка, в таком же платье, как у меня, играла с симпатичным малышом лет двух. И хотя на ребенке тоже было платье, мне показалось, что это мальчик. На стенах висели гобелены и расшитые войлочные ковры. Разные по стилю и качеству, но, несомненно, теплые. Стояла большая кровать с балдахином.

Был стол под красивой скатертью, на столе – металлическая ваза, может даже серебро, с выпуклым рисунком. В вазе горкой лежали булочки. Несколько неудобных на первый взгляд кресел, резных, с низкими спинками и с подушками на сиденьях. Подушки из такой же толстой яркой ткани, что и скатерть.

За столом сидела молодая женщина, лет двадцать пять, не больше. Теплое платье из густо-синей ткани, сброшенная от жары меховая расшитая жилетка лежала на соседнем кресле. На углу скатерть была сдвинута, и там, на белой салфетке, стоял красивый серебряный кубок с цветными камушками и тарелка с жареным мясом, которое пахло совершенно одуряюще...

– Ну, леди Катрин, вы подумали?

* * *

– Леди Тирон, приношу вам свои извинения, но я была не слишком внимательна. Вы не могли бы рассказать еще раз?

Как в анекдоте – не догоню, так хоть согреюсь. Здесь, по крайней мере, тепло. Судя по всему, девушка отказалась от замужества, а мне нужно узнать детали.

Брови леди Тирон поползли вверх.

– Ты издеваешься? – спросила она, но спросила как-то неуверенно.

– Нет, что вы, леди Тирон! Я просто действительно переволновалась и не все запомнила...

– Хорошо... Ваш отец сейчас, как вы знаете, при дворе. Король обещал бенефиции всем дворянам, которые свяжут своих детей браками с лордами и леди Средиземья. Король и ваш отец выбрали вам и вашей сестре мужей. За это земли, на которых мы живем, переведут в майорат. Ваша семья поднимется в статусе. Ваш брат получит майоратные земли, а не наградные! Он станет бароном! А не просто лордом...

– А зачем королю эти браки?

– Его величество устал от постоянных военных конфликтов. Такие браки совершаются сейчас между государствами с благословения обоих государей! Мир слишком хрупок. Когда наша принцесса выйдет замуж за принца Гальдии – государства объединятся.

– Понятно... Они просто готовят почву для бескровного слияния. Очевидно, раньше наши государства много воевали?

– Хватит, не вам, леди, лезть в высокую политику!

– Простите меня, леди Тирон! Я слишком любопытна! – Побольше раскаяния в голосе...

– Да, так вот, вы и леди Саня выйдете замуж к вящей славе нашего рода!

Если перевести на человеческий язык, меня выдадут замуж, а сливочки за это слизнет леди. Явно она не мама Катрин... Мило... Ну, надо прикинуть, как повернуть и что можно выжать из ситуации...

– А кто будет мой муж, леди Тирон?

– Лорд Шарон, граф Ромский! Это большое приграничное графство. Вы станете графиней, леди Катрин!

– А муж леди Сании?

– А тебе-то что за дело до моего мужа?

– Леди Сания, не смейте вмешиваться в наш разговор!

– Простите, леди Тирон.

Девушка на ковре, оказывается, внимательно слушала наш разговор. А красивая девушка. Яркая голубоглазая блондинка, волосы уложены в сложную прическу из кос, платье хорошего качества, почти без пятен, но великовато... Похоже, донашивает обноски леди-мамашки. Интересно, Тирон все же мать или мачеха? Кто знает, как тут у них принято с детьми обращаться. Хотя, судя по возрасту, явно мачеха. Ну, ей лет двадцать пять навскидку, не могла же она родить мою сестрицу в десять лет. Нет, она – мачеха. И по канонам любой истории – если не враг, то и не друг. Отсюда и будем отталкиваться.

– Я согласна, леди Тирон.

– И ты выполнишь мою просьбу?

– Я не запомнила, что вы хотели, простите...

– Когда в договор будут вписывать лирд, ты попросишь деньги, пятьсот салем, и оставишь их в семье.

– А что такое лирд?

– Леди Катрин! Не прикидывайтесь дурой! Каждая служанка знает, что такое лирд! Это лучшее, что будет на свадьбе каждой женщины!

– Леди Тирон, служанки очень много болтают, но я не знаю, что из этого правда, а что – их глупые домыслы.

– Ну, может, ты и права... Лирд – взаимный подарок или условие. Неотчуждаемый подарок или обязательное условие. Мужчины в качестве лирда обычно просят сына. А женщины просят деньги. И это только их личные деньги, мы вольны распорядиться лирдом как угодно, и никто, никто не смеет на них претендовать или контролировать расход.

– А если не выполнить лирд?

– Ну, это уже на усмотрение второй половины. Твоя мать не родила сына, а родила вашему отцу двух дочерей, но он не стал разводиться и выгонять ее из дома! Он благородный человек.

– А если запросить лирд, который благородный лорд не может выполнить? Ну, не пятьсот салем запросить, а пятьдесят тысяч?

– Это очень глупо, свадьбу просто отменят, и все. Обычно до свадьбы размер лирда оговаривается между родителями жениха и невесты.

– А бывают другие лирды? Ну, не деньгами?

– О, конечно бывают! Особенно памятен лирд герцогини Бушанской. Она затребовала от жениха разрешение всегда сопровождать его на охоту. Брак чуть не развалился! Над ним смеялись все дворяне! Он же совершенно помешан на охоте.

– И что, он выполнил условие?

– Ну конечно нет, но герцогине хватило ума не родить ему ребенка в течении пяти лет и сразу после этого она потребовала развод. Но такие лирды – это глупость. Это герцогиня может пойти против воли опекунов, а не нищая дворянка! Но все равно она дура.

– А если бы он выполнял лирд пять лет, а потом нарушил?

– Если бы она не потребовала развода через пять лет, а осталась бы его женой, а он бы на шестой год нарушил условия и она нашла бы свидетелей, то по закону могла бы получить половину его имущества!

– Ого, как все серьезно! Такого мне служанки не рассказывали совсем.

– Так что, ты согласна сделать, как тебе приказывает отец?

– Я не буду противиться его воле. Но я хотела бы знать, леди Тирон, какое у меня будет приданое.

– Эта девчонка с ума меня сведет! Ну, естественно, за тобой дадут одежду и ткани, и отец дает за тобой еще пятьсот салемов.

– Ага. Теперь я поняла.

– Деньги останутся в семье и послужат величию рода!

Ну конечно, величию рода! Не иначе, леди высмотрела себе новую шубку или брюлики и теперь мечтает и на елку влезть, и попу не оцарапать... Мне нужно очень хорошо подумать. С этим самым лирдом нельзя промахнуться. Естественно, деньги я просить не буду, нет ничего глупее взять один раз и закупить себе платьев. И потом всю жизнь мучиться от идиота-мужа.

Но есть одна вещь, которая волнует меня сейчас больше, чем пресловутый лирд. Как я выгляжу? Где найти зеркало и посмотреть на себя?

* * *

До вечера я просидела в комнате. В каменной неотапливаемой комнате. В узкое окно, растопив ладошкой кусок изморози, я рассмотрела, что на улице стоит полноценная зима с поземкой и снегом. Видны были каменный забор и закрытые тяжелые ворота. Изредка по двору проходили, точнее, пробегали туда-обратно скверно одетые люди. Возле ворот периодически прохаживался закутанный в тулуп мужчина с саблей или мечом. Охрана, привратник или что-то вроде... А бегала, я думаю, замковая прислуга. Этаж у меня, кстати, был третий или второй.

К вечеру, как ни куталась в тощее одеяло, я почувствовала, что простыла. Зудел и подтекал нос, слезились глаза, определенно поднималась температура. Я не понимаю, как этот суповой набор, который теперь мое тело, выживал в таких условиях.

Дага, кстати, тоже стала кашлять и чихать, но ее кашель был даже хуже моего – очень сухой, какой-то сипящий. В обед она принесла мне горячий суп с голой косточкой без следов мяса и непонятными овощами. Но бульон был горячий, и я выпила его, заедая хлебом.

Сама она большую часть времени бегала между моей комнатой и кухней. Я так понимаю, туда она ходила греться. А у меня в комнате она садилась на стульчик, отодвигалась от холодного камина и вязала бесконечный чулок.

Мы почти все время молчали. Она, похоже, обидевшись на утреннее умывание, а я из боязни ляпнуть что-то или спросить не то. Вечером, после скудного ужина, в нашу комнату заглянула молодая крепкая горничная в добротном платье и крепких чулках. Хотя попахивало от нее так себе.

– Леди Тирон велела вам прийти к ней! – сказала и собралась выйти.

– Стоять! – Я просто озверела от тупого сидения и очень замерзла. – Ты горничная или леди?!

– Горничная леди Тирон. – Девушка таращила на меня глаза, явно не понимая, что не так...

Дага, кстати, тоже таращилась.

– Если ты горничная, то кто дал тебе право ломиться в комнату леди, как в конюшню, без стука в дверь, без разрешения?

– Ах ты... Не больно-то вы и леди, нечего тут нос задирать...

– Ну что ж, милочка... Ты сама выбрала. А сейчас – пошла вон отсюда.

Ненавижу тех, кто пытается клюнуть подранка... Только я-то не подранок, дамы и господа. Пора начинать обустройство в этом мире.

– Вы, леди Катрин, поосторожнее с ней, она злопамятная очень. Может и напакостить, – не выдержала Дага. – Ну, и наглая девка, конечно. Она ведь самой леди Тирон прислуживает. Всегда может в уши ей нашептать.

– Не бойся, Дага. Думаю, сейчас леди Тирон гораздо охотнее выслушает меня. Пойдем.

Дага осталась в коридоре, а я прошла в комнату леди. В этот раз было также тепло, но в комнате не было ни одной живой души.

– Присаживайтесь, юная леди. Я хочу поговорить с вами как мать!

Я села в предложенное кресло.

– Понимаете, юная леди...

Больше она ничего сказать не успела – я начала кашлять. Старательно и вдохновенно. Я и в самом деле чувствовала себя отвратно. Да и покашлять для хорошего дела не так и сложно. Вытерев слезы рукавом, я дала шанс леди Тирон думать, что она может продолжать.

– Так вот, юная леди...

Кашлять я начала с удвоенной силой...

– Да прекратите вы уже!

Я с трудом отдышалась и просипела:

– Простите, леди, но я заболела... Думаю, что просто от холода.

Леди поджала губы. Но идиоткой она не была.

– Я прикажу топить у вас в комнате два раза в день.

– И еще прикажите, пожалуйста, выпороть вашу горничную...

Я еще немного покашляла.

– За что?

– Она вломилась в комнату дочери лорда, не постучав. А когда я сделала замечание ей, она мне нахамила.

До леди стало доходить.

– Вы что, леди Катрин, шантажируете меня?

– Даже не сомневайтесь. Нам осталось жить под одной крышей две недели. Но если мне будут приносить вместо еды такие же помои, как сегодня, за две недели я слягу окончательно. Есть их я просто не стану. Я не возражаю против брака, но мне нужны нормальные условия. Вы можете поорать, леди Тирон. А можете повести себя по-умному, и до свадьбы я буду милой и ласковой.

– И передадите ваши пятьсот салем в семью?

– Конечно, как только деньги окажутся в моих руках. Это же моя семья!

Леди взяла за длинную ручку колокольчика, что стоял на столе, и позвонила. Через минут в комнату вошла горничная.

– Коста, позови управляющего.

Минут пять мы молчали. Леди поглядывала на меня почти с любопытством.

Вошел пожилой полный мужчина. Суконный черный костюм, шелковый воротник, высокие сапоги с меховой опушкой и козлиная борода.

– Гвайр Таун, прикажите отправить Косту на конюшню. Пять плетей.

Коста бросилась в ноги леди с воплем:

– За что, госпожа?!

– За хамство, Коста. И чтобы не забывала свое место, – ответила ей я.

Кажется, управляющий тоже удивился. Но взял рыдающую Косту за руку и вытащил ее в коридор. Шаги и рыдания стихли вдалеке...

– Теперь вы, юная леди, выслушаете меня?

– Конечно, леди Тирон.

– Мне очень жаль, Катрин, что этот брак происходит так рано, но я надеюсь, что вы с честью выполните свой долг перед семьей и мужем.

Это она сейчас о чем? Я молчала и смотрела ей в глаза.

– Вы понимаете, о чем я?

– Нет, леди Тирон.

Она встала, нервно походила по комнате и продолжила:

– Есть такое действие, после которого брак считается завершенным. Он называется – консумация.

Тааааак! Какая, на фиг, консумация, если у тела напрочь отсутствуют вторичные половые признаки? Грудь еще даже не набухла, никакого пушка. Ну, не идиотка же она? Я думала, что столь ранний брак возможен при условии, что сам процесс пройдет после появления у жены месячных. Читала я о таких браках.

– В ночь после свадьбы ваш муж будет знать, что делать. Вы должны полностью подчиниться ему!

– Леди Тирон. А со скольких лет разрешен брак?

– С тринадцати, и вам, юная леди, уже есть тринадцать!

– А разве не должны у женщины до брака начаться... ну, особые дни?

– Вы скажете священнику, что у вас уже были лунные дни.

– Вы уговариваете меня соврать, леди Тирон?

Вот ведь тварь безбожная!.. Как будто она не знает от прислуги, что Катрин совсем еще ребенок. Как там сказал тот самый ангел? «Муж как муж...» Ну, значит, не педофил и не насильник. Думаю, жить под крылом мужа будет значительно проще, чем здесь. Эта гадина ребенка уморит и не поморщится. У нормального мужчины просто не встанет на такое тело. Как бы лицо-то свое увидеть?

– Сколько лет моему мужу?

– Двадцать один. Он красивый молодой мужчина, так написал ваш отец. Ваша свекровь до сих пор считается одной из самых прекрасных женщин королевства, а ведь ей уже почти сорок лет. Так что вам повезло, у вас будут красивые дети!

– Если я не умру в первую брачную ночь, леди, просто потому, что мое тело еще не готово принять мужчину!

Наступила долгая пауза...

* * *

– Вы странно себя ведете, леди Катрин. И странно говорите...

– А мне больше нечего терять, леди Тирон. Вы понимаете, что, пихая меня под мужчину так рано, вы можете меня покалечить и я никогда не рожу ребенка? Вы собираетесь решить проблемы своего сына за счет моей жизни. Через несколько лет, поняв, что я никогда не рожу ему ребенка, муж выгонит меня. И что тогда? Вы, конечно, можете испортить мне жизнь. Но, думаю, вы сообщили отцу, что я уже пролила первую кровь и могу выйти замуж. Когда сюда приедут отец и жених, я ведь могу и не врать священнику. Что вы тогда будете делать? И не мечтайте, что свалите вину на меня. Я найду что сказать отцу и как открыть ему глаза. Мне действительно нечего терять.

Леди Тирон поняла, что попалась. Ей явно хотелось отвесить оплеуху наглой мне. Но меня после общения с соцзащитой, с вороватыми работниками, с лакшери-дурочками и налоговой очень сложно было смутить. Я могу ходить, у меня новое, молодое тело, я еще вырасту. А создать себе удобные условия жизни я сумею. Да у меня через шесть лет сын родится! Нужно будет – я весь мир переверну. Там я подумывала усыновить ребенка. Но кто бы позволил инва-

лиду, даже обеспеченному, такое? Никакие взятки мне не помогли, а связей с сильными мира сего у меня не было. Но я все наверстаю здесь. Обязательно.

– Что ты хочешь?

– Я много чего хочу. Я хочу подробную информацию о земле, куда я поеду, о женихе и его маме, о своем приданом. Но сперва, пожалуйста, кусок мяса и горячий чай. И хорошо бы лекарство от простуды мне и Даге. Мы обе простыли. И еще, пусть в мою комнату отнесут несколько кусков войлока из-под вашего ковра. У меня ледяные полы.

Через пол часа я обсосала последнюю косточку от куриной ноги и сыто отвалилась от стола.

Все это время леди бессистемно бродила по комнате и явно что-то обдумывала.

– Вы наелись, юная леди?

– Благодарю, мадам. Я сыта. Мне нужна влажная салфетка – обтереть руки. И я хотела бы увидеть зеркало.

Леди засмеялась так весело, что я невольно заподозрила подвох...

– Что смешного я сказала, леди Тирон?

– Ты смотрелась в зеркало в прошлом году. Думаешь, за это время ты хоть немного похорошела? Какой была уродкой, такой и осталась!

В прошлом году? Я такая уродка, что от меня зеркала прячут? Мне стало страшно. Неужели я, и правда, безобразна? Хотя, по сравнению с тем, что я могу ходить... Да и ладно. Безобразна так безобразна. Главное – здорова.

Леди подошла к стене, у которой стоял странный узкий шкаф, и распахнула дверцы.

– Иди, полюбуйся на себя!

Я даже не стала заострять внимание на том, что она мне «тыкала», как горничной. Понимала, что сейчас она меня ненавидит.

Я сбоку, несколько неуверенно, подошла к шкафу, думая, что зеркало есть на дверце. Но нет. Весь шкаф так и был зеркалом. Зеркалом, которое закрывалось глухими деревянными створками. Ну да, у них тут поди стекляшка целое состояние стоит.

Я смотрела на свое новое лицо и фигуру.

Это было неожиданно интересно – смотреть на себя. Я вовсе не была уродкой. У меня были точеные черты лица, высокие скулы, хорошие, густые волосы. Да, светлые, несколько непривычно, но не смертельно. Невысокий рост – ну, это еще неизвестно, могу и вырасти. Красивая длинная шея. Маленькие аккуратные ушки. И светлый-светлый цвет и бровей, и довольно длинных мохнатых ресниц. Глаза то ли серые, то ли голубые. С тонкой черной окантовкой вокруг радужки. Пожалуй, я вырасту очень красивой. Я только не поняла, почему леди считает меня уродиной? Ну, да, без косметики я выгляжу бледной молью...

Ах, вот оно что! Ключевое здесь – без косметики. Смешно. Если мне будет нужно, я сварю тушь, кремы, помады, тени и бальзамы без проблем. Здесь полно абсолютно натуральных продуктов. Думаю, года через три я за пояс заткну любую местную красотку. Подумаешь, глаза не накрашены! Но, однако, мадам, и правда, считает меня уродкой. Ну и пусть, это – ее проблемы.

– Спасибо за позволение, леди Тирон.

– Ты довольна? Я, между прочим, действую и в твоих интересах. Замуж тебя здесь взял бы только самый нищий! А там все же граф. Хотя, говорят, приграничные графства разорены после войны. Так что сильно не обольщайся.

Принесли салфетки и миску горячей воды. Я тщательно промыла руки и вытерлась насухо.

– Леди Тирон, мы обо всем договорились. Сегодня мы обе устали, но завтра, пожалуйста, вызовите меня к себе и расскажите, что вы знаете о моем муже и его маме. И хоть что-то о

земле, где я буду жить. А потом я хочу увидеть свое приданое. Я не желаю позориться перед мужем. Наверняка список уже утвержден и отец переслал его вам.

– Иди уже, маленькая гадина. Кто бы мог подумать!..

В комнате у меня горел камин, но он не успел за этот час разогнать холод. После еды меня сильно разморило. Дага вытащила из-под моей кровати выкатную доску на деревянных колесиках и стала стелить на нее дырявый войлок.

– Ложись поближе к огню, Дага, ты совсем простыла. И постели себе еще один войлок. Всяко теплее будет.

Дага подкинула в огонь еще несколько поленьев из большой корзины и улеглась. Захрипела она буквально через десять минут. А я все ворочалась на несвежем белье и думала о том, не перегнула ли палку с мадамой...

Пожалуй, что нет. Я ей нужна на две недели здоровая и послушная. Я читала, что дрова в средневековье были дороги, и не все могли отапливать жилье. Я бы поняла, если бы все мерзли. Но два камина ей одной – жирно будет. Да и воспаление легких здесь вряд ли умеют лечить. Думаю, Катрин не пережила бы эту зиму. Даже странно, как вообще в таких условиях ухитрилась выжить. Надо будет аккуратненько расспросить Дагу. Может, что-то и узнаю.

* * *

С утра Даге стало хуже. Немного подумав, я уложила ее в свою кровать. Противно мне или нет, но нельзя больного человека держать на каменном полу – никакие войлоки не способны защитить от сквозняков. Я сходила на кухню и потребовала отвар от простуды. Здоровая костистая тетка, гвайра Луф, презрительно фыркнула на мое требование.

– Время будет – заварю, а пока идите-ка вы отсюда, леди Катрин. Не место вам на кухне...

– Гвайра Луф, вы слышали, что вчера по моей просьбе выпороли горничную леди Тирон?

Тетка притихла и задумалась.

– Мне не хотелось бы повторно беспокоить леди такой просьбой. Но если вы думаете, что я позволю кухарке указывать, где мне место, а где нет, то вы ошибаетесь. Повторяю, мне нужен отвар от простуды. Большой котелок. Очень горячий и с медом. Я жду в своей комнате.

Я развернулась и вышла в полной тишине. Я специально говорила громко. Уверена, вчера все слуги обсуждали порку горничной. Так что пусть подумают, стоит ли со мной спорить.

А бросить больную я не могла. Поэтому завтрак я разделила на две части. Большая жареная отбивная помогла исправить вкус отвратительной каши. Еще я спoiла Даге большую кружку горячего отвара с медом и каплей вина и навалила на нее все войлоки. Пусть с полу, но ей, и правда, было плохо. Плевать на грязь, вымыться я успею, а сейчас, хоть и противно, нужно потерпеть.

Сама я проснулась с заложенным носом, но без температуры. Если побережусь, через недельку все пройдет.

До завтрака я успела растопить камин, унести грязную посуду и вынести горшок на улицу. Вылила его под кусты у уличной стены и осмотрела жилище. Не замок – очень длинный каменный дом, узкие окна пропускают мало света, но сейчас, хоть и мороз, солнышко светит прямо в них. Всего два этажа, дальний конец дома имеет двойное остекление, там окошки прозрачные, там живет леди Тирон и, думаю, там же – моя сестрица.

Интересно, за что же так невзлюбили Катрин? Я передернула плечами от холода, сполоснула горшок водой из прихваченной с кухни кружки и побежала назад.

Самым нудным оказалось расчесать косу деревянной расческой. В ней не хватало почти трети зубцов. Но я справилась. Затянула волосы кожаным шнурком и снова села у окна. Теперь просто подумать.

Если существует список приданого, мне нужно будет тщательно проследить, чтобы маман не сунула что попало. Она явно умеет экономить на удобствах людей.

Нужно будет попытаться выяснить, как к Катрин относился отец. Нет, так-то понятно, что наследник в доме – персона номер один. Но папаша же не выгнал мать Катрин и этой, как ее... Салии... Нет, Сании! Кстати, совершенно непонятно, что там у сестер случилось, что они не общаются. Пусть Дага еще поспит, а как проснется, нужно будет поговорить. Думаю, просто лежать ей станет скучно, авось поболтает со мной.

И интересно, что же там за разоренное графство.

Под грудой войлоков тихо кашляла Дага. Ее, похоже, скрутило намного серьезнее, чем меня.

В дверь постучали.

– Войдите!

Вошла Коста, глаза в пол, лицо серьезное. Поклонилась в пояс и, не поднимая глаз, сказала:

– Леди Катрин, леди Тирон просила пригласить вас к ней в комнату.

О, совсем другое дело!

– Скажи леди, Коста, что я сейчас буду.

Я спустилась на кухню, отдала приказ заварить еще порцию трав с медом и напоить Дагу. Ткнула пальцем в одну из девушек, которая помогали на кухне.

– Вот ты, сходишь и напоишь ее. Понятно?

– Да, леди Катрин, сейчас заварю и сама отнесу.

Отлично. И мне даже не жалко Косту. Как все же у людей, что в нашем мире, что в этом, принято толкать падающего! Есть возможность плюнуть – обязательно сделают. Очень постараюсь, чтобы в моей новой жизни меня не окружали такие вот Косты. Это как с шакалами жить – всегда нужно ждать предательства или гадости. Иногда даже не для выгоды делают, а просто потому, что надеются остаться безнаказанными. Вот взять ту же Косту... Что лично ей дало хамство по отношению к ребенку? Да ничего, кроме чувства собственного превосходства. Стоило ли оно того?

Леди Тирон предложила мне сесть и даже чашку чая. Я не стала отказываться.

– Спрашивайте, юная леди, что вы хотели. Но учтите, я не так много знаю.

– Какой климат в моем новом доме? Там суровые зимы?

– Я не жила там, леди. Но, по слухам, зимы такие же, как у нас. Только немного короче. И более жаркое лето. Там даже на юге графства выращивают персики. Это такие фрукты, как яблоко размером, только вкуснее. И не много мелких косточек, а одна огромная. Я ела такой, еще до замужества. Очень вкусно!

– А что вы знаете о моей свекрови, леди Тирон?

– Очень мало... Ну, ваш муж ее третий сын, первые два не выжили. И вроде бы есть еще маленькая дочь, чуть старше вас. Но про нее, про графиню, рассказывали, что она потрясающая красавица! Когда ваш отец сватался ко мне, ко двору как раз приехало посольство из Сарма. И мой отец приглашал купцов, которые сопровождали посольство, в наш дом. Мне разрешили сидеть за столом с гостями. Один из купцов привозил в замок вашего будущего мужа ткани. Он и рассказывал о леди Маризе. Говорил, что это дама с тонким вкусом и бывает при дворе герцога Грижского. Слывет там первой красавицей. И говорил, что у нее есть специальная служанка, которая варит ей особое мыло для кос. Секрет мыла никто не знает, но седины у герцогини нет. И нет морщин, потому что она умывается молоком. Покойный граф Ромский обожал жену и тратил на ее наряды, не жалея... Это, в общем-то, все, что я знаю про нее.

– А на чем зарабатывают в графстве?

– В каком смысле?

– Ну, что они делают или выращивают такое?.. Что потом продают?

– Какие странные вопросы, леди Катрин! Пусть крестьянами занимаются мужчины, вас это не касается!

Леди мачеха наотрез отказалась вызывать доктора для Даги. Еще и выговорила мне, что мои капризы не знают границ. Скорей бы уж замуж. Тошно смотреть на это все.

В общем, нельзя сказать, что я разжилась информацией. Но, думаю, больше она и сама не знает.

На следующий день договорились заняться приданым. Вот только что я буду делать, если не смогу читать на местном? Да я даже не знаю, учили Катрин грамоте или нет...

Для Даги я взяла булочку из вазы. Тирон скривилась, но ничего не сказала. Сестры я не видела.

Вернувшись в комнату, я первым делом подкинула дров в гаснущий огонь. Дага проспала, но выглядела не лучшим образом. Красное лицо в испарине, горячий лоб, сиплое дыхание...

– Как ты, Дага?

– Ой, леди Катрин, никогда вы за мной так не ухаживали...

– Дага, я расту и начинаю понимать, что тебе тоже бывает тяжело или больно. Тебе отвар приносили?

– Толку-то с него, только в туалет бегаю. Да не трожьте вы горшок, леди Катрин, где это видано, чтобы леди за служанкой выносила? Кликните кого-нибудь с кухни, да и все.

Ну, тоже правильно. Сходила на кухню, приказала еще горячего отвара и увидела лимон. Отлично! Все же болеть – мерзкое дело. Повариха пыталась возражать, что это для леди Тирон, но я не стала слушать. Леди здоровая как лошадь, а у Даги температура.

Захватила с собой служанку.

– Как тебя зовут, я забыла.

– Так Тумой кличут, госпожа...

– Котелок оставь у нас в комнате, и горшок вынеси.

– Слушаюсь, леди Катрин.

Ужин принесли вполне съедобный, но Дага почти не поела. Хоть бы к утру ей легче стало, а то кашляет так, что аж страшно.

Остаток дня я тупо вязала чулок, оставленный Дагой, а она дремала.

Спать я легла на выкатную доску, под вонючими войлоками.

* * *

Сон на досках и вонючее тряпье не сделали меня благостной к утру. Я потребовала с кухни горячей воды, умылась сама и протерла Даге лицо, грудь и руки. Температура у нее держалась, но, кажется, ей было немного лучше. После завтрака леди Тирон прислала горничную сказать, что одеждой и посудой займемся после обеда. Сейчас у нее дела. В окно я видела чьи-то сани. Очевидно, у леди были гости.

Моя сестра так и не зашла ко мне ни разу, а я не знала, где именно ее комната. Да и непонятно было – стоит ли идти. Не слишком-то любезна она была в нашу единственную встречу.

– Дага, а почему раньше в нашей комнате не топили?

– Никак заспали, леди Катрин? Вы и раньше, после сна, все, бывало, пытались мириться с леди Саньей.

– При чем тут – заспала?

– Ну, как спать ложитесь, мне говорите – мол, сестры мы, не дело это ругаться, с утра схожу – помирюсь. И так себе за ночь намечтаете, что утром и идете к ней...

– И что?

– Так она простить вам не может, что вы уперлись и матушкино благословение сохранили, не отдали новой хозяйке.

И что я должна думать? Какое благословение? Скорее всего – что-то дорогое. Ну, может, деньги или украшения. А Сания, судя по всему, отдала. И живет в тепле, но жалеет... Ну, хоть тут понятно. Кстати, неужели отцу совсем наплевать на то, что дочь в каменном холодильнике спит?

– Дага, а почему отец не вмешивается?

– Ну-у-у, вы тоже придумали, леди Катрин... Чего это он будет в хозяйство лезть? Он жену молодую любит, жалеет, что ей с чужими детьми возиться нужно... А уж она всегда найдет на что пожаловаться. И как вы грамоту плохо учите, и что не слушаетесь и грубите... А еще она его с Пиной застукала, ну, которая на кухне работала. Леди тогда на сносях была. Так он вроде как задабривает ее – сына родила и наследника! И в дела не встречается домашние. Все же она из купеческих, приданое за ней богатое какое дали. Ну, и условие ему поставили, что она – полноправная хозяйка. А там, глядишь, папенька ее помрет – еще чего ценного оставит.

Понятно, дочь в хозяйстве вещь ненужная... Вот ведь уродский мир! Но жить мне придется именно в нем. Очень важно наладить хорошие отношения с мужем. Мне без разницы, пусть он хоть всех кухарок оприходует, лишь бы по обоюдному согласию. Глядишь, сильно меня не будет доставать.

– Дага, что-то я после простуды больно много заспала... Даже не помню, кто меня грамоте учил.

– Так как же так-то, леди Катрин? Ведь два года ходил гвайр Людус. Он хоть и старик, а много всего знает и помнит. И грамоте учил, и считать.

– Точно, а я его-то помню, а как звали – забыла.

– Ну, и немудрено, вы с ним никогда и не ладили. Да и с весны много времени прошло, как он помер, так и учеба ваша закончилась.

Да уж... Похоже, образованием мне не придется хвастаться в этом мире. Ну, хоть грамоте учили – и то хлеб.

Ну, со счетом у меня и без вашего гвайра проблем не будет. Буквы бы мне понять, слова написанные. А с остальным я разберусь.

– Давай, Дага, я тебе принесу сейчас еще отвара и ты поспишь?

– Ой, леди Катрин, дай вам всевышний мужа хорошего, но сил моих нет спать. Да и кашлять я меньше стала. Вы лучше, если время у вас есть, поговорите со мной еще – все день быстрее пролетит. Я вот опасаюсь. Как бы не донесли леди Тирон, что я тут в вашей кровати прохлаждаюсь.

– Думаю, не донесут. А и донесут – найду что сказать. А поговорить – это я с удовольствием. Вот расскажи мне, какое приданое должно быть за благородной леди. А то я боюсь, что мало дадут и опозорят меня перед мужем. Ты ведь уже давно при господах живешь – что-то да знаешь.

– Ну, я же раньше маменьке вашей служила, а уж потом, как она родами померла, меня к вам приставили. А няньку, что у вас двоих была, оставили с леди Саньей. Она тогда у отца заплакала. Вам и было-то всего три годика – вряд ли вы хорошо помните. Ей-то аж шесть уже было – немного понимала, что делает. Ну, вот у вашей маменьки приданого было четыре сундука. В одном, небольшом, посуда серебряная, там же ларец, а в нем украшения всякие, ну, и простая посуда. В другом – аж четыре подушки, да два одеяла теплых, да два потоньше, да простыней дюжина и наволочек аж две дюжины. Самый большой сундук был с тканями. Так прямо рулонами и были сложены. И простые, и дорогие. И бархат там был, и всякие-всякие шелка. Ну, и простая ткань беленая тоже там была. Агроменный сундук-то – его слуги еле уволокли вчетвером. Ну, и отдельно – одежда ее разная. Там и шубка была, что сейчас леди Тирон носит. Хорошая шубка-то, из заморского меха сшитая. И крытая тонким сукном. А как помирала маменька ваша – так и позвала вас в комнату. Видать, чуяла, что не выживет, и благословение свое заранее уложила в две шкатулки. Вот одну вам подала, а вторую леди

Сании. А вас к ней больше и не пускали. Мальчик-то сразу мертвый родился, а она через три дня, голубушка, сгорела от жара.

Дага расчувствовалась от воспоминаний и всплакнула. Видать, привязана была к матери Катрин. Я взяла ее за руку и погладила. Мне жаль было эту, в сущности, чужую женщину. Судя по всему, своих детей у нее не было, вот она и прикипела к Катрин.

* * *

Время до обеда я решила провести разбирая свой сундук в комнате. Надо сказать, он меня не порадовал. Несколько грубых сорочек. Ну, хоть чистые, значит можно будет помыться и сменить ту вонючку, которая сейчас на мне.

Два суконных платья, одно толстое и грубое, второе получше, даже с цветной вышивкой. Но на меня велико. Явно с плеча сестры. Рукавов у платьев не было – они лежали отдельно, других цветов и привязывались к платью ленточками.

Три пары сравнительно новых вязаных чулок – думаю, Дага постаралась. Только вот нужно придумать пояс или колготки. Привязывать чулки подвязками, а точнее, просто кожаными шнурками прямо к ногам – не лучшая идея.

Еще был большой суконный плащ с меховой опушкой, довольно вытертой. И грубая вязаная шаль. Остальное содержимое сундука предназначалось на теплое время года. Две пары кожаных грубых туфель без каблука и три верхних платья – все ношенные и с чужого плеча. Только одно можно было бы надеть на меня сейчас, но, думаю, к лету оно станет мало. Небогато, прямо скажем.

После обеда, покормив Дагу, которая, и правда, чувствовала себя лучше и хорошо поела, напоив ее новой порцией отвара с медом, я отправилась в сопровождении почтительной Косты к леди Тирон. Коста привела не в апартаменты леди, а в самый конец коридора, где за очень толстой дубовой дверью ждала меня мачеха.

Большая комната без окон напоминала собой склад всего на свете. Здесь же стояли сундуки. Не такие уж и большие.

Открыли первый из них.

– Это постельная ткань, леди Катрин. Белье вы нашьете сами, по размеру графской кровати.

В сундуке лежали три довольно узких рулона ткани. Сантиметров шестьдесят в ширину, не больше. Очень грубой и неотбеленной.

– Леди Тирон, вы думаете, что граф будет спать на этом? Давайте договоримся так. Я ухожу из вашего дома без денег. Но уж тряпками вы меня не позорьте. Когда красавица леди Маринда увидит это, что она обо мне подумает? Вам-то все равно, а мне с ней жить. Я не хочу всю оставшуюся жизнь выслушивать попреки в нищете.

Мадам психовала, я видела, но сейчас мне ее психи были фиолетовы. Мне с ней не жить, она однозначно мой враг. Радует то, что сделать она ничего серьезного мне не посмеет. Иначе не будет брака, а за это папенька может си-и-ильно прогневаться. Уж не знаю, что там ему король наобещал, но даже наследный титул барона для их сына – очень лакомый кусочек для купчихи. Пусть платит за свои хотелки.

По ее приказу Коста вынула эту дерюгу и положила три куса приличного, плотного и белого полотна.

– Еще столько же, леди Тирон. Давайте не будем спорить над каждым куском ткани. Иначе я сейчас просто развернусь и уйду в свою комнату, а жениха сама лично попрошу проверить сундуки. И, кстати уж, я хотела бы видеть утвержденный список приданого.

За эти слова я получила оплеуху. Повернулась и пошла в комнату.

– Стой, дрянь...

– Запомни, купчиха. Если ты еще раз посмеешь тронуть меня хоть пальцем, я много чего найду сказать и отцу, и жениху. Ты меня сильнее, но я тебя отбоюлась. Если ты, тварь наглая, хочешь сыну баронский титул – плати!

Леди ахнула, закрыла себе рот рукой и перекрестилась...

– Вы меня хорошо поняли, леди Тирон?

Она покивала головой.

– Думаю, вам стоит предупредить Косту о том, что этот наш маленький конфликт должен остаться в тайне. Вам же не нужны сплетни среди слуг?

Леди взглянула на молчащую Косту.

Та начала истово креститься и трясти головой.

– Да я господом нашим клянусь – молчать буду!

– Смотри мне!

– Да разрази меня господь, если хоть словом обмолвлюсь!

У нее с перепугу аж слезы на глазах показались.

– Коста, добавь, как я и сказала, еще три хороших куска полотна в сундук. И сверху – четвертый, это, мадам, с вас за оплеуху. И принесите, наконец, опись.

За описью мадам пошла сама. На куске очень плотной бумаги, именно бумаги, что меня порадовало, были расписаны причитающиеся мне богатства. Читать я смогла, хоть и по слогам, но все понимала. Это было просто отлично!

Обе тетки явно были шокированы моим поведением, но мне было плевать.

Еще я получила несколько рулонов шелка и два – бархата. Очень толстый, думаю, достаточно теплый. Пойдет на зимние платья. Кроме того, туда добавили три куска тонкого качественного сукна. Я из любопытства развернула один из них – довольно большой. Метра полтора на пять. А вот бельевые ткани все были длинные, но узкие. Отдельно шел мешочек с красивыми шелковыми лентами и второй поменьше – с нитками для вышивания. Еще мне положен был станок, чтобы ткать ковры. Ну, типа этого был у моей бабули. Она называла его – кросна.

В посудный ларь уложили в солому сервиз на двенадцать персон. Ну, так себе – фаянс с росписью, два серебряных кубка, серебряное блюдо и двенадцать больших двузубых вилок. Думаю, ужасно неудобных. Ну, и фиг с ними. Переплавить всегда можно, главное, что это – серебро. Все тщательно пересыпали соломой и сухими опилками.

Тяжелее всего леди Тирон рассталась с украшениями. Пыталась меня уверить, что матушкино благословение и есть мои украшения. Мол, больше мне и не положено. Но тут я уперлась как осел – не в красоте дело, а в том, что это легче всего продать. А деньги пустить на развитие бизнеса и хозяйства. Я не собиралась жить в нищете и морозить слуг в качестве экономии. Леди, чуть не плача, передала мне в руки мешочек, который я не поленилась развернуть.

Бусы жемчужные – одна нитка пять стоунов (стоун – примерно сорок сантиметров) длины, не слишком удачно подобранный мелкий жемчуг разного цвета. Ну, на отделку вполне пойдет. Цепь золотая, с тремя красными камнями – довольно толстая и короткая цепочка, на ней три рубинового цвета крупных слезки. Цепи серебряные, по полтора стоуна каждая, – две штуки. Одна из них была довольно симпатичного плетения. Кольца золотые – с красным, зеленым и два с синими камнями – огромные перстни с кабошонами, явно не на детскую ручку. И ожерелье с десятью сапфирами – золотое. Ну, сапфиры были яркого цвета, дурно огранены, но вот оправа была красивой. Для каждого камня – своя, отдельная ячейка.

– У меня почти пустой сундук с одеждой и бельем. Прикажете сейчас принести в мою комнату вот этот рулон на белье, – ткнула я пальцем в белую качественную ткань. Не батист, конечно, но и не дерюга. – И еще мне нужен хороший плащ в дорогу. Я не собираюсь мерзнуть. Да и в старом платье я вряд ли очарую жениха. Так что вот это синее сукно – тоже ко мне в комнату. И пришлите двух служанок – шить.

– Леди Катрин, обе швеи сейчас заняты.

– Мне не нужны швеи. Раскроить я смогу и сама, мне нужны девушки, которые могут проложить более-менее ровный шов.

– На вас не угодишь, можете взять любых двух девок.

В понимании этих женщин я была уродина. Но я собиралась встретить жениха в нормальном виде. Мне не хотелось, чтобы он по мужской наивности также счел меня уродиней. Я-то видела и понимала, что Катрин – красавица, а каплю краски я и здесь добуду.

Сундуки я потребовала отнести в свою комнату и отдать мне ключи от замков.

Леди поморщилась, но спорить не стала. А я пронаблюдала весь процесс, не сводя глаз со своего имущества.

* * *

Я зашла на кухню и спросила:

– Кто из вас умеет шить? Мне не нужна портниха, мне нужна девушка, которая сможет ровно сшить два куска ткани. В комнате у меня тепло, другой работы не будет, и я награжу за старание.

Одна из девиц, та, что мыла посуду, робко поклонилась.

– Леди Катрин, меня матушка учила шить.

– Пойдем со мной.

Гвайра Луф, повариха, пробовала возражать. Я заткнула ее одним движением руки и словами:

– Леди Тирон разрешила мне взять двух любых девушек.

По дороге я узнала имя девушки – Фица.

– Гвайра Фица, сейчас мы расстелем ткань, и вы поможете мне раскроить. Вам не нужно будет что-то решать – просто будете держать ткань так, как я скажу.

– Слушаюсь, леди Катрин! Только я не гвайра...

Оп-па... Я-то думала, что «гвайра» и «гвайр» – обращение к слугам!

– А как к тебе обращаться?

– Ну, если бы я была замужняя или постарше – можно было бы говорить лура Фица. А так зовите просто – Фица. С меня и того довольно... Это кто посолиднее, или вот кто пост хороший имеет, ну, как управляющий или кухарка, или если купец – можно сказать «гвайр».

Вот так на мелочах и прокалываются. Ну, откуда мне такое может быть известно?

По дороге в комнату мы встретили Косту – она шла на кухню.

– Коста, передай леди Тирон мою просьбу: мне нужно мыло. Я не хочу встретить жениха грязной.

– Слушаюсь, леди Катрин, – поклонилась горничная.

Дага дремала, я не стала ее будить. Кажется, на Фицу произвело неизгладимое впечатление, что Дага лежит на барской кровати. Девушка надраила стол со щелоком, вытерла насухо тряпками, и я разложила тонкую ткань. Нужно было сообразить, как кроить ее на сорочки.

Насколько я помню, платья здесь не стирали. И окраска непрочная, да и сядет оно моментально. Сукно может даже во влажном воздухе сесть. Так что белью нужно шить с учетом усадки. Кроить я решила все же по косой нити – лучше к телу будет прилегать. Удобнее. Первым делом раскроила несколько шортиков. Пусть не настоящие трусики, да и вместо резинки – кулилка со шнурком, но всяко лучше, чем гулять с голой попой.

И я усадила Фицу шить. Швы будут наружные, поэтому делать их придется аккуратно и лучше сразу обметочным, чтобы не крошились потом нитки. Первые в этом мире трусы были сшиты через час. Я сразу померяла их, подкроила остальные и хотела отправить Фицу отдыхать, но она чуть не со слезами попросила меня оставить ее в комнате.

В помещении кухни после ужина не топили. Дрова выдавались только кухарке и управляющему. Утром вода на кухонных столах превращалась в лед. Сумасшествие какое-то!

Ну, пусть дрова дорого, но ведь у хозяев есть свой лес. Ладно, жалко лес. Ну, заведи ты нормальную печку, которая тепло хранит, и устрой одну спальню для прислуги. Ну невозможно ведь жить в постоянном холоде! Болеть же будут люди и умирать!

Постель Фице устроили на двух составленных вместе сундуках. Тряпки она принесла свои. Дров в камин я не жалела. Мне в этом гадюшнике вообще ничего жалко не было.

Фица напоила Дагу отваром и вынесла перед сном горшок. Из окна я понаблюдала – она его сполоснула, как я и велела. Ну, хорошо. Ей плюс. Будет нормально шить, может, стоит забрать ее отсюда? Швея мне так и так понадобится.

Фицу потрясло, что я легла на выкатные доски и не прогнала Дагу на ночь с кровати.

Следующие дни мы шили как заведенные. Вторую швею я так и не нашла. Дага сильно кашляла, и лучше ей не становилось. А Фица старалась мне услужить. Это я отметила. Очевидно, в благодарность за теплый ночлег.

Вечером третьего дня, когда шить уже было слишком темно, я попросила Фицу проводить меня в комнату Сании. Как оказалось, зря. Девица выговорила мне, что я дура и уродка и что такая сестра – позор для нее. Вдруг ее, Сании, жених решит, что у нее дети будут такие же уроды?

Это все притом, что она не дала мне и рот открыть. А ведь старшая сестра. Пусть нет любви, но должна бы понимать, что клану всегда легче держаться, чем одиночке. Я молча развернулась и ушла. Дага пыталась меня утешить, думая, что я расстроилась из-за сестры.

– Да ведь всегда она так к вам, леди Катрин. Бросьте уже уговаривать-то. Сколько раз вы к ней ходили, помириться хотели...

– Все, Дага, больше не пойду.

Мне очень не нравилось сиплое и прерывистое дыхание Даги. Я не медик, но, если бы была просто простуда, ей было бы уже лучше.

Утром, когда Фица ушла за завтраком для всех нас и за горячим отваром, я спросила у Даги:

– Скажи, а куда мы с тобой спрятали матушкино благословение?

– Ну, леди Катрин, что-то уж вы совсем все забываете! Не заболели ли вы?

– Да нет, Дага, я просто спала не слишком хорошо. И ведь мы же проверяли с тобой недавно, все ли там в сохранности?

Тут я была наугад. Просто думаю, что периодически они вытаскивали свое богатство и смотрели.

– Дак вестимо – недавно. Месяца еще не прошло. Туда же и положили, в молельной комнате, с левой стороны на полу...

И она замолчала: вернулась Фица.

После завтрака я решила помолиться. Ключ от молельни был у леди Тирон. Я отправила Фицу за ключом и взяла ее с собой. Поставила в коридоре и зашла в комнату. Лампадка горела возле иконостаса. От нее я затеплила свечку, осмотрелась.

Большая комната, две широкие, покрытые коврами скамейки. По центру что-то вроде каменного пюпитра. Думаю, на эту штуку кладут библию. Я не специалист в иконах, но они явно отличались от наших. И манерой письма, и, главное, что нигде не было троицы. Бог везде был изображен один. И ни одной иконы Божией Матери.

Зато на некоторых стоят женщины с детьми, и бог их благословляет. Ну, хоть материнство здесь ценят. А вообще-то, стоит выучить несколько молитв. Обязательно стоит. Священник здесь приходящий, нужно будет перед свадьбой попросить пораньше привезти – выучу заранее хоть самое необходимое.

Шкатулку я нашла в стене. Если не знать – то и не найдешь. С левой стороны на полу я увидела сучок в доске. Осмотрев весь пол, поняла – не там ищу. А вот чуть выше пола из стены вынимался камень. Сам он был легкий, думаю – разновидность песчаника. Он, как дверка, закрывал приличных размеров пустую нишу. Там была только одна деревянная шкатулка. Вот ее я забрала с собой, а камень вернула на место. Заодно прихватила несколько тонких восковых свечей.

* * *

Вечером я велела Фице укладываться лицом к стене, на столе зажгла свечу в черепке от посуды, села и открыла шкатулку. Она была не слишком большая, сантиметров двадцать на тридцать и примерно десять глубиной. И первое, что меня порадовало, – зеркало, вделанное в крышку. Это уже отлично! Накраситься, не видя себя, я не смогла бы.

Небольшой мешочек, где я нашла сорок пять золотых монет. Они были не больше нашей десятирублевой монетки и казались немного тоньше. На каждой монетке стояла цифра 2. Два салема. Значит, всего у меня девяносто. Совсем неплохо. Короткая нитка жемчуга, красивого и крупного.

Отдельно в крошечном мешочке еще пять жемчужин. Три разного размера, но черные и две одинаковые розовые. Надо же, красота какая! Еще лежало несколько пар сережек, две штуки странной формы брошей. Я не сразу поняла, что это не брошки, а фибулы. Желтый металл, но не золото. Может быть, бронза или медь, с одной свечой цвет не слишком хорошо можно разобрать.

Несколько связок круглых стеклянных бусин разного цвета. По пятнадцать-двадцать бусин на ниточке. Возможно, пригодится отделявать одежду. И хорошо то, что уже есть цветное стекло. И еще лежало богатое ожерелье. Прямоугольные золотые звенья крупного размера. В каждое вделан кабошон с квадратным основанием. Размер синего камня примерно сантиметр на сантиметр. А по краям каждого прямоугольного звена цепочки – ярко-алая капля. И красный камень – граненый. Значит, гранить уже умеют.

Я не знала названия камней, никогда не интересовалась ювелиркой. Но где-то в голове у меня сидела дата – пятнадцатый век. Время начала огранки камней. Думаю, подцепила в интернете. Иногда я смотрела на ютубе разные ролики. Про что попадетсЯ. Не сказать, что это меня сильно увлекало, но именно там я искала, чем бы еще заняться, когда устала от кружева.

Ну, ладно, это все деньги. Но хорошо бы мне на свадьбу хоть что-то. А это все массивное, тяжелое. Я буду выглядеть нелепо, как елка. Эх, был бы бисер, да времени побольше!..

Шкатулку я убрала в сундук и закрыла его на ключ. С ключами я не расставалась. Ни леди Тирон, ни ее почтительная горничная мне не внушали доверия.

Даже становилось хуже.

Я поскандалила с леди Тирон и с большим трудом, но все же добилась обещания пригласить доктора. Сегодня же. За это я отдала одну из золотых монет.

Когда доктор приехал, я поняла, что сделала это зря. Толку с него было чуть, а пафоса – на поп-звезду бы хватило... А главное, он не разбирался в травах и обозвал это дремучим невежеством.

Даже толком не осмотрев Дагу, оставил ей порошок и велел растворять в теплом вине, пообещав, что тогда прекратится разлитие черной желчи и жидкости тела придут в норму. Что делать с этим порошком, я просто не знала. Я бы выкинула без зазрения совести, но вдруг поможет? Ну, пусть доктор болван, но где-то он рецепт взял? Может, от умных людей?

Открыла сундук и отрезала кусок белой ткани, разложила на столе и высыпала на нее из стеклянной склянки. Что-то белое. По строению похоже на сахар. Темные вкрапления –

хитин. То ли таракан молотый, то ли что-то похожее. И еще какие-то ошметки покрупнее. Кожа животного. Или не кожа...

Но пить это я Даге не дам. Ясно только одно: болеть серьезно здесь нельзя ни в коем случае. И нужно искать нормальную травницу. Таковую, которая хоть что-то в растениях понимает.

Через два дня Дага умерла. Последнюю ночь она сильно хрипела и не приходила в сознание. Священника позвали уже к трупу. Ее тело под ворчание леди Тирон завернули в кусок полотна и увезли на кладбище. Ехать с ней леди Тирон мне запретила. Леди не хоронят слуг.

Пожалуй, больше всего меня удивило равнодушие других слуг. Я не та Катрин, которую вырастила Дага, но и мне до слез было ее жалко. А эти люди проработали с ней много лет. Но Фица сказала, что прислуга меняется часто, особенно на кухне. Зимой всегда двое-трое умирают. Обычно прачка и кто-то из горничных. Не из личных, которые в комнатах у госпожи ночуют. А из тех, кто дом убирает.

– Фица, почему же ты не уволишься? Неужели дома ты не смогла бы прокормить себя?

– Что вы, леди Катрин. Тут хоть днем в тепле. А в деревне у меня еще хуже...

– Понятно. Останешься моей прислугой?

Фица кинулась на колени и попыталась целовать мне руки.

– Встань сейчас же! И не смей на колени кидаться. Я запрещаю!

– Леди, я стараться буду, все-все буду делать!

– Для начала, Фица, нам нужно отмыть комнату и меня.

Все тряпье с кровати, где умерла Дага, я отправила на кухню. Вместе с периной и подушкой. Использовать это я не буду. Может быть, кому-то они спасут жизнь.

Войлоки, на которых я спала до этого, велела вынести, кинуть в снег и потом хорошенько выбить. Это сгодится на пол. Голую деревянную кровать щедро облила крутым кипятком. Прямо ковшом плескала. Знала, что в деревнях так выводят клопов. А на кровати, мне кажется, все же были насекомые. Заодно прекрасно отмылся пол. Каменной плитке вода не страшна.

На тряпки я, под сожалеющим взглядом Фицы, пустила одну из своих дерюжных сорочек. Больно грубые они. Но Фицу тоже нужно отмыть и одеть нормально. Иначе простынет в дороге. Ехать нам, я так понимаю, не одну неделю.

Очередной визит к леди Тирон обошелся мне в три двойных салаема. Судя по довольному лицу леди, я переплатила как бы не втрое. Кусок мыла и постель. Но когда я приказала вместе с подушками, периной и пуховым одеялом вынести и сундук, она попыталась возражать.

– Леди Тирон, не думаете ли вы, что я купила товар без упаковки? Что я посплю на нем неделю, выйду замуж и все вернется к вам? Нет, не хотите – не нужно. Верните мне деньги и оставьте себе свою рухлядь. Неделю я и на соломе могу поспать. Думаю, конюх не откажет мне в любезности. А уж отцу я свою кровать обязательно покажу.

У меня вообще сложилось впечатление, что леди признает только угрозы и позицию силы. Во всех остальных случаях она считает собеседника слабаком и пытается прогнуть под свои нужды. Безумная тетка. Или безумный мир?

Заморачиваться отделкой швов на простыне я даже не стала. Фица сшила вместе три куска, а подрубить края я и потом смогу. То же касается и наволочки. А вот мешок-пододеяльник пришлось шить. Края ткани могли осыпаться при стирке и пользовании. Так что пододеяльник мы дошивали уже со свечой.

Ванну мне мадам не разрешила брать, похоже просто из вредности. Пришлось обойтись ужасным корытом.

После ужина Фица выгнала из кухни всех слуг, слила мне и помогла промыть волосы. А также сохраненным рукавом от сорочки вымыла спину и все остальное, до чего я не дотягивалась. Вот в качестве жесткой мочалки такая ткань была отлична.

Одетая в новую чистую и тонкую сорочку, понимая, что впереди нормальная ночь на чистом белье, я знала, что убьюсь, но организую нормальный быт. Сушила волосы у горящего

камина, где готовили еду, и поражалась глупости и неразумности трат. Этими дровами можно протопить и содержать в тепле полдома.

– Фица, завтра повторим.

– Леди, вы что, каждый день будете мыться?

Кажется, эта идея привела ее в ужас.

– Завтра будешь мыться ты. И платью тебе нужно нормальное, а не этот кошмар засаленный.

– Дай вам бог здоровья, леди Катрин. Говорят, зимой-то купаться для здоровья вредно.

– Вредно грязной ходить – вши заведутся. И чистое платье на грязное тело нельзя надевать.

Энтузиазма она все равно не проявила. Думаю, мытье ее пугает. Ничего. Привыкнет. Я не умерла, и она выживет. Про себя я даже посмеивалась над этим страхом.

* * *

Следующий день я посвятила отделке готового платья. Думаю, в этом мире невесте вовсе не обязательно белое платье. Но в любом случае платью должно соответствовать статусу. Быть красивым и дорогим. Проблема в том, что моя фигура сейчас напоминает макаронину. Ни груди у меня нет, ни бедер. Конечно, с возрастом все появится. А сейчас эти дефекты нужно красиво скрыть.

Заодно пришлось заняться и украшениями. Оставила золотые крючки от сережек и привесила к ним на самой тонкой цепочке две жемчужины. Чего мне стоило сделать это практически без инструментов – вообще отдельная тема. А звенья цепочки пришлось зажимать зубами. Благо золото не сталь. Но больше я так точно не буду делать – зубы жалко. Фица сидела у окна и шила себе сорочку и новое платье.

А я после обеда решила заняться лицом. Попросила принести мне чистое блюдо, сырое яйцо и немного растительного масла. Лучше – льняного.

Пока Фица ходила, я сделала кисточку. На своем плаще, там, где был потрепанный мех, завязала ниткой прямо на воротнике тонкий пучок и выстригла его под корень. Потом привязала его той же ниткой к длинной щепке. Ее с трудом отколола от полена еще вчера на кухне. Получилось что-то вроде кособокой тонкой кисточки. Ничего, пользоваться и такой можно. А вот для ресниц нужна щетина потверже. Хорошо бы еще проволоку. И нужен-то кусок меньше дециметра. Но я не знала, где взять. Ладно, правду говорят, голь на выдумки хитра. А опробовать все равно нужно.

В льняное масло я положила крошечный лоскут льняной ткани, дождалась, пока масло впитается, и подожгла возле камина, чтобы дым уходил в трубу. Чадило здорово. Хотя, когда буду готовить для продажи, эту сажу тоже стоит собирать.

Когда лен и масло полностью прогорели, я щепкой сгребла все к центру чашки, тщательно размяла и разделила на несколько порций. Отдельно капнула каплю белка, смочила в нем кисточку и одну из частей черного порошка замесила в пасту. Она очень быстро высохнет.

Яйцо отдала выпить Фице. Для нее это, оказывается, лакомство, как дома в деревне. А я своей кривоватой кисточкой нарисовала аккуратные стрелки по верхнему веку, слегка повозила ею по кончикам ресниц и сделала по пять тонких штрихов по каждой брови. Отложила кисточку и растерла краску на бровях пальцами. Потом еще немного поелозила по ресницам. Да, долго и неудобно, но пользоваться можно. А вот на брови, пожалуй, достаточно по три штриха будет. В этот раз ярковато получилось.

– Фица... Что случилось?

Я хотела попросить ее поддержать шкатулку боком у окна, чтобы лучше рассмотреть себя при солнечном свете. Но у нее было такое странное лицо...

– Так что случилось-то?

– Леди Катрин, вы стали такая красивая!

– Я всегда красивая, Фица. Просто немного бледная. Хочешь, тебя накрашу? Но с условием! Никому не говорить, что и как я сделала. А еще лучше и не показывайся никому. Накрашу тебя в день свадьбы – будешь самая красивая горничная. Чистая и в новом платье. Хочешь?

Фица чуть рыжеватая шатенка. Красивые каштановые волосы с золотым отливом, брови пощипать нужно – широковаты. А вот кончики ресниц выгоревшие. Стрелки ей сделаю чуть шире, чем себе. Глаза небольшие, карие, так что заведем стрелку чуть вверх – есть в ней что-то от лисички. И подкрасить ресницы. Еще бы румян немного. Ну, это все успеется...

– Вот, бери зеркало, смотрись.

Думаю, если бы мне нужна была душа, как пресловутому дьяволу, сегодня бы я ее получила! Конечно, я шучу, но Фица, похоже, таких фокусов даже на благородных леди не видела. И ей очень идет. Во всяком случае, шкатулку у нее пришлось отбирать. И то поставила ее так, чтобы она, пока шьет, могла на себя любоваться.

Вообще, странно. Все же о косметике я знаю довольно много. В том числе и историю создания. Красились еще первобытные племена. Древний Египет, Рим, Греция... Не знаю, как здесь, но краски для лица и тела известны в любой цивилизации. Хотя тут церковь, кто знает, как к этому отнесутся. Не сую ли я голову в петлю?

Ладно, разберемся. А вот мне бы еще хорошо подумать о румянах. Кожа у меня очень белая, стоит прикинуть, на основе чего делать и какой цвет выбрать. Ну, здесь-то нет особого выбора, картошку ни разу не давали – возможно, даже и не знают о такой. И слова «картошка» на местном я не знаю. Интересно, из репы можно добыть крахмал? Пока мне все это нужно по капле, только для себя любимой.

Когда начну делать на продажу, тогда придется серьезно решать вопрос с основами. Ну, в крайнем случае сгодится рисовая пудра. Да даже муку можно, если уж совсем край. Но мукой себя мазать пока не хочу. С другой стороны, свекла даст хороший оттенок холодного розового. Может, просто попробовать сок с водой? И наносить в несколько слоев? Точно, вечером пошлю Фицу притащить с кухни свеклу. Раз я знаю слово на местном языке, значит, и свекла уже есть.

Кстати, о языке. Если мой муж из другой страны, значит, там другой язык? Ну, даже если так, радости мало, конечно, но я выучу и новый язык, и все остальное, что потребуется: этикет, молитвы и прочее... Кстати!

– Фица, ты какие молитвы знаешь?

– Я, леди Катрин, только две знаю, о здравии и о благополучии.

– Ну-ка, читай...

Фица читала, а я повторяла за ней. Строчки были плавные, хоть и без рифмы, и легко укладывались в голове. К вечеру я уже обе молитвы знала наизусть.

* * *

Ну, разумеется, с моим везением я просто обязана была попасться жениху на глаза с горшком в руках!

Утром, после завтрака, я отпустила Фицу помочь на кухне. Леди Тирон вдруг решила, что без нее там не обойдутся. Да и вообще последние два дня царила подозрительная суматоха. Очевидно, скоро приедет папенька Катрин.

Горшок под кроватью меня не радовал, но ладно еще когда там только жидкость. Закрываешь крышкой и просишь Фицу вынести. А тут мне приспичило... Ну, не хранить же этаким ароматизатор в комнате до ее прихода. Закрывает крышкой, принесла с кухни большую кружку воды, надела плащ и, вооружившись емкостями, отправилась во двор.

В эти кусты выливали ежедневно из всех горшков в доме. Они точно сумасшедшие. Летом здесь можно задохнуться будет. Ладно, это уже будут не мои проблемы. Горшок я вылила, сполоснула и только повернулась к дому, как за воротами зашумели, из караулки выбежали двое охранников и начали открывать створки.

В минуту двор наполнился конями, людьми, шумом и гамом. В ворота въезжали повозки, стало тесно. И прямо посередь двора, разинув от неожиданности рот, стояла непричесанная я с горшком в руках.

– Катрин, что ты здесь делаешь? – Один из всадников, монументальный дядька, спешился с лошади прямо рядом со мной.

На нем был длинный бархатный плащ бордового цвета, подбитый мехом. Страшно подумать, сколько такой может весить. На голове была суконная шапочка, завязанная под подбородком. Больше всего она напоминала детский чепчик. Сверху на нее был надет богатый зеленый бархатный берет с перьями, которые под влажным снегом несколько обвисли.

Отец? А если нет? Может, его оруженосец или кто там у них бывает?

Проще всего отвечать правду.

– Дага умерла неделю назад. Я выносила горшок.

Мужик сморщился, как от зубной боли.

– У тебя нет горничной?

– Леди Тирон забрала ее на кухню.

– Ступай в дом, Катрин.

Я кивнула, обозначив поклон, и ушла. Но видела, что на эту сцену с любопытством смотрели двое молодых мужчин. Думаю, один из них и есть мой будущий муж.

Сегодня состоится торжественный обед. Интересно, меня позовут? Или я увижу мужа только в день свадьбы? Не то чтобы я сильно переживала из-за его внешности. С лица воду не пить. Хотя, конечно, детей я хотела красивых.

Фица явилась в комнату через пятнадцать минут.

– На кухню явилась Коста и сказала, что леди Тирон отпускает меня вам прислуживать!

– Замечательно!

Ну, нет худа без добра. Явно распоряжение отца. Думаю, ему стало стыдно перед женихами – благородные леди с горшками по двору бегать не должны.

Через час к нам постучалась Коста. Поклонилась и сказала:

– Леди Катрин, леди Тирон просила передать, что обед будет через два часа. В большом зале.

– Спасибо, Коста. Можешь идти.

Я повернулась к Фице и попросила:

– Будь добра, дойди до зала и посмотри, как там натоплено. Я должна решить, что нужно надеть, чтобы не мерзнуть. Но и париться в суконном платье у камина я не хочу.

Фица вернулась очень быстро.

– Там тепло, но в камин подкидывают дрова, думаю, через час будет жарко.

В комнате на стене у меня висели несколько платьев. Я взяла обычные ветки, нарезала из одной старой сорочки лент по косой и обмотала ветки этими лентами. Так ткань платья не запачкается от веток. А вместо крючка была просто петелька. Вполне нормальные плечики вышли.

Единственное приличное платье на меня было из тонкого шелка. То самое, которое к лету будет мало. А может, и нет. Пока, во всяком случае, у меня даже грудки еще не болят. Платье голубого цвета. Думаю, к нему отлично пойдет тонкая суконная жилетка. Я сшила ее из остатков ткани, которую выбрала на дорожное платье. Она темно-синяя, и я отделала ее скрученной в толстый жгут голубой шелковой нитью.

Заодно меньше будет видно плоскую грудь. А вот туфли у меня не слишком красивые. Если до свадьбы есть еще день-другой, может, удастся уговорить отца отпустить меня на местный рынок? Вдруг повезет?

Мы уже пробовали с Фицей укладывать волосы. Ничего сложного, конечно, она не могла сделать. Но отделить несколько толстых локонов на висках, жгутом скрутить их вверх и связать на затылке кожаным ремешком было совсем не сложно.

Из украшений я решила взять только одно звено из ожерелья. Звенья, кстати, все отстегивались. Пришила его как брошку на груди. Это обед, а не свадьба. Думаю – достаточно. И синий кабашон прекрасно смотрится на голубом шелке. Рукава пришлось пришнуровывать к платью. Безумная затея. Они тоже были из шелка, но из светло-розового. Других у меня просто не было. Бархатные или суконные не прикрепил к легкому платью – нелепо будет. Ну, получилось чуть неожиданно, но совсем неплохо. В маленькое зеркало много не рассмотришь, но, пожалуй, розовый делает меня не такой бледной.

Дольше всего я провозилась с ресницами. Мне срочно нужна свиная щетина. Так мучаться каждый раз – никакой красоты не захочешь. Стрелки я рисовать не стала – оставлю это на свадьбу, а на брови нанесла только три штриха и растушевала – получилось значительно лучше, чем в прошлый раз. Ну, я никогда не любила фею бровей. Интернет полон фото девиц, которых она посещает.

Когда я зашла в зал, то поняла, что опоздала. Столы составлены в букву «Т». За короткой перекладиной буквы, которая стояла на возвышении, все места, кроме одного, были заняты. За длинную перекладину еще усаживались люди.

Без шляпы и плаща папенька не смотрелся так величественно. Обыкновенный пузатенький мужичок, среднего роста и с залысинами. Бесцветные волосы и красная обветренная кожа. Или распаренная?

Слава богу, место за высоким столом было свободно только одно. К нему я и двинулась. По левую руку от отца сидела леди Тирон, рядом с ней молодой парень с дурацкой стрижкой под горшок, а уж рядом с ним, похоже, должна сидеть я. Саня сидела с правой стороны от отца и от своего жениха. Полноватый, высокий, розовощекий. Больше я пока ничего не могла сказать о нем. Ну, он тоже граф, как и мой.

* * *

Жареные куриные тушки, огромный копченый окорок, вареные яйца, круглые караваи пшеничного хлеба, миски с вареным горохом и крутой пшенной кашей, которую нарезали ломтями и поливали коричневым соусом с травами, горшочки с тушеным мясом, которое называли – паштет. На них – запеченные крышки из теста.

Паштетов было два вида – заячий и утиный. На длинном блюде, в окружении вареной моркови – большая рыбина. На голове у нее блестящая корона и в спинку воткнуто что-то вроде шелкового веера. Очевидно, украшения такие. Типа царь-рыба. Головка круглого сыра была разрезана на две части, и каждую половину стола украсили целым куском.

Одна тарелка на двух человек. Зато у каждого – большая двузубая вилка. Отдельно стоит стол, на котором вазы с зимними грушами и яблоками, пироги, думаю, что сладкие, и в глубоких стеклянных вазах что-то похожее на варенье.

Я бы сейчас все это великолепие отдала за овощное рагу или салат.

Стараясь не выглядеть излишне любопытной, я откинулась на высокую спинку стула и искоса посмотрела на жениха.

Не урод, стрижка его портит. Хороший профиль, чернобровый, решительный крепкий подбородок и чуть крупноватый нос. Молодой.

Он резко повернулся ко мне и спросил:

– Леди Катрин, почему вы не едите? Может быть, положить вам что-то еще? Рыбу? Паштет? Налить вина?

На тарелке у нас грустила половина курицы и ломоть хлеба. Тарелка была столь велика, что вполне могла бы быть небольшим подносом.

– Благодарю за любезность, граф Ромский, я не пью вино. Если можно, кусочек окорока. Граф взял воткнутую в свиную ногу вилку, достал приличных размеров кинжал и отмахнул ломоть чуть не в полкило весом.

Меня пробрал смех. Ну, и что мне с этим куском делать? Ножа то у меня нет!

– Граф, можно попросить ваш кинжал?

Он удивился, но протянул мне свой тесак.

Я, несколько неловко, нарезала окорок пластинами, взяла ломоть хлеба, разрешила вдоль и сверху положила ветчину. Отрезала несколько тонких ломтиков сыра и один положила на бутерброд. Кинжал, кстати, был острый как бритва. Вполне возможно, что им пользовались в бою... От этой мысли мне стало плохо. Обязательно нужно завести ножи только для стола.

Кинжал я с благодарностью вернула хозяйину и, выдохнув, принялась за свой бутерброд. Граф не сводил с меня глаз.

Это было не слишком понятно. Может, тушь размазалась?

– Граф, у меня испачкано лицо?

– Нет-нет, леди Катрин. Я просто люблюсь, как красиво вы едите!

Боже мой... Ну вот что я должна сказать? Это комплимент или что? Да мне теперь кусок в горло не полезет.

Так, Катрин, успокоилась и выдохнула. Парень не хотел сказать ничего плохого, а ты не ребенок, чтобы смущаться!

– Спасибо, граф. Мне приятно, что вы это заметили.

Надо хоть немного его разговорить. Я ведь даже не уверена, что он вменяемый человек, а не какой-нибудь средневековый моральный урод. Если вспомнить ангела... Как он сказал? «Муж как муж...» Слишком расплывчатое определение.

– Граф, а вы не могли бы рассказать про ваши земли?

– О, леди, вам там понравится! У нас тоже бывают холодные зимы, но лето гораздо дольше и теплее, чем здесь. У меня в саду, при замке, даже растут персики и мандарины. Вы знаете, как выглядит мандарин?

– Да, конечно! А чем торгует ваше графство? Чем живут крестьяне?

Брови графа скрылись под нелепой челкой...

– Леди Катрин, уверяю вас, как моя жена вы ни в чем не будете знать нужды.

– Граф Ромский, я вовсе не подозреваю, что вы будете меня морить голодом.

Тут я сочла нужным улыбнуться и слегка потупитья. Типа – девичья стыдливость... А то решит еще, что я собираюсь вмешиваться в управление. Ну, то есть я-то, конечно, собираюсь. Только не сразу.

– Поймите, граф, мой вопрос продиктован естественным любопытством. Я же так мало знаю о ваших землях! Есть ли там море? Часто ли летом дожди и грозы? Чем славится ваше графство? Далеко ли ближайшие родовитые соседи? С кем из них вы дружите и с кем – не слишком. Мне интересно знать все-все!

Граф улыбнулся, и стало особенно заметно, что он молодой и симпатичный. Эх, где мои семнадцать лет! Хотя сейчас мне уже меньше... Да уж, ситуация... Хватит ли у парня терпения поберець ребенка?

– Леди, я очень люблю свою землю. В графстве шесть крупных сел, с населением по семьсот-девятьсот человек, шестнадцать деревень поменьше. Центральный город – Ромор, там живет больше двух тысяч человек. А через два дня пути – герцогский город. Там правит Гитан Грижский. Туда вы будете ездить на балы. Ромор стоит на море, туда приходят торго-

вые корабли. Там можно будет купить для вас новые ткани и безделушки. При дворе моей матушки, вдовствующей графини Ромской, есть даже менестрель. Ее придворные дамы помогут вам разобраться в модных туалетах...

Надо же, прям соловьем разливается... Интересно, ему-то зачем такой брак? Что именно он за него получит?

– О, граф, вы рассказываете так интересно! А я слышала уж-ж-жасные вещи...

И глазками наивно похлопать!

– Я слышала, что ваше графство приграничное, что набеги мародеров разорили крестьян и еще всякие ужасы...

– Леди Катрин, я не хочу вам врать, все это – чистая правда. Потому-то и играют сейчас по стране десятки свадеб, связывая два государства в одно целое. За последние полгода усилиями обеих корон насильники и убийцы на границе выловлены и повешены. И отряды охраны из вашего и моего государства регулярно патрулируют дороги. И у них общий штаб управления – в герцогстве Грижском. Уже восстанавливается торговля. Да, крестьянам нелегко... И у графства долги по налогам. Но вас, милая леди Катрин, это не коснется. Обещаю!

Я решила рискнуть и, посмотрев в глаза графу, спросила:

– Граф, могу я узнать, что получите за этот брак лично вы?

* * *

– Не знаю, обрадует вас эта новость, леди Катрин, или огорчит. За это я получаю место капитана личной гвардии короля. На пять лет.

– Но, думаю, для вас это достойный пост! А как далеко находится Ромор от столицы? Мы ведь будем жить в Роморе, я правильно поняла?

– Не совсем, леди. Вы – будете жить рядом с Ромором. В часе езды на лошади расположен замок. А я буду жить в столице и нести службу. От Ромора до столицы примерно три-четыре недели пути.

– Вы планируете остаться в столице навсегда?

– Нет, миледи. Я честно отслужу эти пять лет и вернусь домой.

– Значит, я буду вас ждать.

– Я рад, что вы так разумны, леди Катрин. Признаться, я несколько опасался...

– Капризов и просьб взять меня ко двору?

– Да. Вы, миледи, умны не по годам.

– Ну, милорд, зачем же нужно капризничать и портить настроение себе и мужу, если можно за это требовать для себя преференции, не хуже тех, что вы получите от короля?

Я улыбнулась и лукаво посмотрела на слегка оторопевшего жениха.

Граф растерянно посмотрел на меня, потом сообразил, что это шутка, и засмеялся. Довольно громко, так, что на нас начали поглядывать с любопытством. Он взял мою руку и поцеловал пальцы.

– Леди Катрин, вы совершенно очаровательны! Но меня очень удивляет, что вы блондинка, а не рыжая.

Тут настал мой черед удивляться и хлопать глазами.

– Почему я должна быть рыжей, милорд?

– Лисы, милая леди, всегда рыжие!

Я тоже засмеялась.

– Я не лиса, сударь, но я девушка практичная!

Тут я получила тычок в ребро со стороны леди Тирон.

– Катрин, ведите себя прилично! Вы кокетничаете, как девка!

– Дорогая, оставь молодых в покое! Это нам с тобой такое поведение можно было бы поставить в упрек. А у них еще кипит кровь. Это даже хорошо! Тем быстрее будут наследники!

Спасибо, папенька! Но, видя, как перекосило леди Тирон от напоминания о возрасте, я ее даже пожалела. Она ведь совсем молодая женщина, а ему уже явно к пятидесяти.

Обед подходил к концу, мы с женихом молчали, поглядывали друг на друга и улыбались. Приятный парень. Но периодически я опускала глаза, как бы смущаясь. То, что я пять лет еще буду расти в одиночестве, это прямо шикарная новость! Это замечательно! Через пять лет мне будет только восемнадцать. А в девятнадцать я рожу сына. Все просто супер, если я переживу брачную ночь.

Обед закончился, наши женихи встали и церемонно предложили нам руки. Впереди стояла Саня со своим пухлячком, сзади них встали мы. И таким манером продефилировали мимо гостей к выходу из зала. Там женихи сдали нас на руки служанкам. Они почти синхронно склонились и поцеловали нам руки на прощание. Вид у пухлячка при прощании был несколько кислотоватый. Мужчины вернулись в зал. Лакей закрыл за ними дверь.

– Уродка! Ты вела себя непотребно! Смеялась и завлекала мужчину! Ты позоришь семью, дрянь!

Я пожалала плечами, отвернулась от сестрицы и пошла к себе в комнату. Фица пристроилась сзади.

– Как думаешь, Фица, почему она так взбесилась?

– Так, леди Катрин, как ей не беситься-то? Ейный жених с ней двух слов не сказал. Сидел надутый и молчал. А вы ровно два голубка ворковали!

О гос-с-споди! Какие голубки? Бред какой...

Спать я лечь не успела. Даже не успела раздеться. Пока пила горячий отвар, который к моему приходу Фица обернула в тряпки, чтобы не остыл, в дверь постучали.

– Войдите!

Зашел гвайр Таун, управляющий. Поклонился.

– Леди Катрин, ваш отец приказал вам явиться к нему сейчас.

За дверью обнаружилась Саня. Очевидно, папенька собирается дать напутствие девочкам. Гвайр Таун впереди, мы за ним. Спустились на первый этаж, прошли по длинному коридору. Значит, комнаты отца расположены под комнатами леди Тирон. Ну, ничего удивительного, они самые теплые. Войти мы не успели, хоть дверь и была приоткрыта. Довольно высокий мужской голос продолжал какой-то разговор:

– И потом, лорд Бурад, вы обещали, что моя жена будет красивее сестры. Это обман! Мало того, что она старше, так еще младшая и красивее, и живее. А вы мне подсовываете Санию...

– Выберите выражения, граф Зобе! Документы подписаны королем. Более того...

Тут гвайр Таун сообразил закрыть дверь. Я боялась смотреть на Санию. Услышать такое накануне свадьбы – да не дай бог! Мне даже стало жалко ее. И потом, вдруг папенька передумает и отдаст меня толстяку? Это ему шестнадцатилетняя красотка старой кажется? С ума сойти! Точно извращенец!

Через несколько минут из комнаты отца вышел этот самый жених, раздраженно поклонился нам и удалился.

Гвайр распахнул двери. Саня, а следом и я вошли в большую теплую комнату. Весь пол был покрыт огромным ковром. Ого! А папенька-то явно не бедствует. Это ведь ручная работа и стоять он должен целое состояние. Кровать с резными столбиками черного дерева, бархатный балдахин. Большой стол с бумагами и свитками, чернильным прибором и двумя подсвечниками на три свечи каждый. В кресле с высокой спинкой сидел отец. Саня поклонилась, я скопировала движение. Отец молча смотрел на нас, разглядывал.

– Я привез вам подарки к свадьбе. Гвайр Таун...

Гвайр подошел к стене за нашей спиной и откинул дерюжную тряпку с двух манекенов. На них были бархатные платья.

Ну, что сказать... Мужчина, что бы он понимал-то...

Грех жаловаться, они были дорогие. Думаю, даже очень. Бархат и широкая вставка от горла до пола из златотканой парчи. Сложные рукава с кучей завязок. Вышивка золотом по подолу и манжетам. Но и я и Саня были блондинки. Одно из платьев было густо-фиолетовым, второе интенсивно-малиновым. Для брюнеток, может, и подошло бы...

– О, папенька, какая красота! Спасибо-спасибо! Можно мне вот это?

Саня тыкала в малиновое платье.

– Ты старшая, тебе и выбирать!

Я тоже открыла рот:

– Спасибо, папа, они очень красивые!

Саня сдернула с крестовины платье и держала его в охапке, светясь от счастья.

– Ну, что же ты, Катрин? Второе – твое! Они от самой модной столичной портнихи. Я специально для свадьбы вам заказал.

– Папенька, оно прекрасно, но я очень боюсь, что оно мне будет сильно велико. Успеем ли мы его подшить? И тогда скроется прекрасная вышивка. Я думаю, что оно мне подойдет только через год или два. И потом, на старшей сестре платье должно быть дороже. А я надену обычное, без золота. Тогда всем будет видно, кто старшая в семье.

– Смотри сама, Катрин. – Папенька явно был недоволен.

Но я приложила платье к себе, и он убедился, что туда войдет полторы меня. И никакая шнуровка ситуацию не спасет.

– Но ты тоже должна прекрасно выглядеть! На свадьбу приедет его королевское величество Клайв Мартель Бога Двенадцатый! Мало кто удостоивался такой чести!

– О, папенька. Платье у меня есть, и достаточно нарядное. А вот приличных туфель нет.

– Завтра сходи на рынок и купи. Я отряжу людей в сопровождение.

– Благодарю, отец. Это очень кстати.

Он протянул нам с Санией по маленькому мешочку.

– Тут по пять салем, докупите себе, что вам нужно.

* * *

Для сопровождения меня и Сании отец отрядил четырех солдат и наших женихов. А также пожилую даму, леди Фанию. Она приехала с ним из столицы и на обеде не присутствовала из-за усталости.

Леди Фания была одиннадцатой фрейлиной королевы из четырнадцати. Эти дамы, в связи с резко возросшим количеством свадеб среди дворянства, путешествовали со свадьбы на свадьбу уже по полгода. Они представляли королеву.

Для леди это была уже восьмая свадьба. Ее утомила дорога, ей надоели ночевки в повозках и на грязных постоянных дворах. Ей надоели тупые дворянские девицы, которые то рыдают, то влюбляются. Ей опротивела походная каша и грубая пища в трактирах. Она явно не собиралась быть с нами любезной и командовала солдатами и нами как боцман. Пусть без мата, но грубо и назойливо.

Представитель короля, лорд какой-то там, скончался неделю назад от простуды прямо в дороге. Но поскольку на нашей свадьбе ожидали короля Бога Двенадцатого, то это было не слишком важно. Как я выяснила, аккуратно расспрашивая леди Фанию, нашего короля звали Сарин Шестой Таридский. Значит, к нам приедет король моего жениха. Нужно постараться понравиться ему. Насколько я понимаю, после свадьбы он станет и моим королем. Стоит, пожалуй, уточнить у жениха.

Но пока мы ехали в санях к заснеженному городку мимо двух- и трехэтажных домов, к центру. Там лучшие лавки и чуть в стороне – торговая площадь.

Нас сопровождали верхом.

Туфли я нашла себе довольно быстро. Невысокий каблучок, атлас и маленький бантик. Вполне мило. Но, подумав о дороге, купила еще две пары симпатичных кожаных туфель, очень теплые сапоги на размер больше – влезет лишний носок – и две пары теплых меховых тапок. Страшненьких, но действительно толстых и мягких. Все это мне обошлось в двойной салема. В мешочке от отца лежали по два двойных салема и по десять монеток серебром. Они были крупнее и тяжелее золотых салемов.

На каждой серебрушке было написано – один рэс. Я видела и мелкие медные монеты. Но только в руках у людей. Не знаю, как они назывались. Но из разговоров и подсчетов в лавке поняла, что медных монет в серебрушке – двадцать пять.

Сания хотела просто пройтись по торговым рядам и посмотреть, что конкретно продают. Думаю, для нее сама эта вылазка была неожиданным подарком. Но леди Фания отказалась, заявив, что не занималась таскаться по деревенским нищим рынкам. Оба жениха растерянно молчали. Им явно было сложно спорить с дамой в возрасте, да еще и фрейлиной чужой королевы. У Сании на глазах навернулись слезы.

Я толкнула в спину кучера.

– Как зовут?

– Карло, леди Катрин.

– Карло, запомни это место. Сейчас мы поедем на рынок, леди Фания будет дожидаться нас здесь. Не дело такой представительной даме гулять по сельским рынкам.

– Слушаюсь, леди Катрин.

Леди Фания задыхнулась, а я взяла оторопевшую Санию за руку и потащила к саням.

– Стойте! – Леди Фания злилась. – Вы не посмеете бросить фрейлину королевы на улице! И я доложу вашему отцу о вашем омерзительном поступке!

– Ну, дорогая леди Фания, вас отправили сопровождать нас, а не наоборот. Я не могу принудить вас ехать с нами. Но можете мне поверить, что Карло послушается меня, как дочь своего хозяина, а не вас. Вы просто гостья и не будете без разрешения отца командовать слугами.

Тут открыл рот жених Сании.

– Леди Катрин, вы ведете себя непочтительно по отношению к знатной даме. Леди Фания является баронессой Рибут.

– Лорд Зобе, не стоит делать замечания моей невесте. Она будет хозяйкой замка и должна уметь справляться с проблемами, – подал голос мой жених.

– Лорд Зобе, граф Пуго, завтра я стану графиней. И по статусу буду выше леди Фании. Но я всегда поклонюсь ей первой, я с уважением отношусь к чужой старости.

И тут леди Фания рассмеялась. Искренне и до слез.

– Ох, и нахальная девчонка! Ох, и доставите вы мужу проблем! Ну, точно как я в молодости! Но и удовольствия доставить тоже сможете, ежели ваш муж не будет дураком. А он у вас, похоже, совсем не дурак!

Она вполне дружелюбно ткнула меня в бок и полезла в сани.

– Садитесь уже, маленькая заноза! Но бегайте не слишком долго! Не хватало вам простыть.

Понимая, что с Санией мы расстаемся, и, возможно, навсегда, я купила ей в подарок красивый кулон. Золотой, с крупной алой вставкой, на тонкой изящной цепочке. Семь салема. И это я еще поторговалась. Просили восемь.

Она буркнула:

– Спасибо.

Но я так и не дождалась от нее человеческого взгляда.

Да и фиг с ней. Сестра или нет, но не стоит с людьми так по-свински общаться.

Она покупала себе еще что-то, но я потеряла к ней интерес.

Себе я купила прекрасный рулон очаровательного тонкого шелка. Отделка на моем платье была закончена, но тут я поняла, что ее стоит поменять. В этот нежный молочно-розовый цвет я просто влюбилась.

Домой мы вернулись, даже не успев замерзнуть. Леди Фания вела себя гораздо более доброжелательно. А жених Сания напоследок в спину сказал нам:

– Я рад, что моей женой будете вы, леди Сания, а не вы, леди Катрин. Она гораздо более послушна, как и положено хорошей жене.

Сания расцвела. Ну, и слава богу. Не жалко.

Я промолчала и сделала вид, что не слышу.

Но уж как я-то была рада!

* * *

Обедали и ужинали в этот день все отдельно.

Свадьба будет одна на двоих. Король прибудет только на несколько часов, и задерживать его величество никто не посмеет.

На кухне яростно готовились к свадьбе. Но котел горячей воды я вытребовала. Вымылась, села сушить волосы и обрабатывать края шелка, пока Фица уносила грязную воду и протирала пол. Надо будет для такой работы мужчину найти.

Работы было много, и я не могла ее доверить Фице. Слишком она тонкая.

Отделку я дошивала уже ночью. Не выплусь – да и ладно. В таком возрасте это совсем не страшно. Зато завтра я буду выглядеть так, как хотела.

Завтрак тоже подали в комнату. Его королевское величество с сопровождением ждали только к полудню. Он со свитой остановился в соседнем городке, у тамошнего герцога. Насколько я поняла, на свадебный пир он не останется. А после брачной ночи, которую мы с мужем проведем в моей спальне, все – я, Сания и оба наши мужа – присоединимся к его величеству и будем сопровождать королевский обоз до конца.

Потом мужья отвезут нас по домам и вернутся на службу. Так что я хоть и побаивалась этой ночи, но думаю, все обойдется. А потом у моего мужа просто не будет времени на глупости. С утра принесли от мадам Тирон роскошное постельное белье. С вышивкой и вставками шелка. Когда я уйду на свадьбу, Фица поменяет. Но наше белье я строго-настрого указала сложить в сундук. Ткани здесь дорогие. А качественные ткани – и того дороже.

Собираться я начала заранее. Платье, воротник, брошь, серьги. Прическа, стрелки, ресницы, брови.

Осталось немного времени, я потратила его на Фицу. Пусть тоже будет красивой. Кроме того, вместо страшного передника мы сшили ей из хорошего полотна белоснежный фартук. С крылышками и бантом на попе. Выглядела она очень даже секси. Служанки не носили платья в пол, такое позволено было только леди. Их платья были на две ладони ниже колена. Поэтому для нее нашлись еще и новые теплые чулки. Получилась красotka хоть куда!

Она вся изволновалась и пыталась в зеркальце рассмотреть себя. И страшно жалела, что не все видно!

Наконец в дверь постучал отец.

– Катрин! Прибыл король! Мы ждем.

И Фица распахнула дверь.

Мне было приятно смотреть, как вытянулось лицо леди Тирон. И расстроила реакция Сании. Она смотрелась на фоне своего платья бледной тенью. А когда покраснела – вообще растворилась в нем. А платье – да, смотрелось ярко и дорого.

– Необычный наряд, Катрин. Ты очень красивая и кажешься взрослее!

– Спасибо, папа!

Это был именно тот эффект, который мне был нужен.

Платье было необычно тем, что рукава были вшивные, а не крепились на завязочках. Нет, не знаменитый бараний окорок. Буфы я сделала гораздо меньше. Но силуэт был похож.

Ярко синий бархат. Нежный, молочно-розовый воротник мягкими складками раскинулся по плечам, и такого же цвета были небольшие рюши-манжеты. Воротник я сколола брошью с крупным синим камнем.

А воротник подкрашивал розовым отсветом мою бледную кожу. Так же как и две розовые жемчужины, которые покачивались на тонких цепочках и подчеркивали маленькие ушки и стройную шею. И юбка, спадающая пышными складками.

Не видела себя целиком в зеркале, но думаю, все легло так, как надо, и играло на образ юной хрупкой девушки. Заодно складки шелка скрывали отсутствие груди, и талия из-за широкого верха казалась неимоверно тонкой.

Нательных крестиков я здесь ни у кого не видела. Надевать перстни на свадьбу не стала. Сегодня меня будет украшать только одно кольцо – обручальное. А вот в волосы Фица мне закрепила жемчуг, то короткое ожерелье из крупных бусин. Это как намек на диадему или даже корону. У меня свадьба, и я принцесса!

А все проблемы будем решать по мере поступления. Я вскинула голову и сделала шаг вперед.

Отец протянул руку, я вложила в нее тонкие пальчики. Сания встала с другой стороны. И мы отправились в молельную комнату.

Там было так жарко, что кто-то приоткрыл окно. Горели и колыхались от сквозняка огоньки десятков тонких свечей. В дверях толпились люди, но проход был свободен. Отец провел нас с Санией к ждущим у каменного пюпитра женихам. И граф твердо взял меня за руку.

На нем был роскошный черный с золотом костюм. Колет, стеганный золотой нитью в ромб. Узкие кожаные брюки были заправлены в сапоги до колен. Светло-голубая рубаха. На груди лежало массивное ожерелье из крупных звеньев. На плечи накинут подбитый синим атласом черный плащ в пол. На правой руке я усмотрела несколько перстней.

И вроде бы все шло как надо, но меня стало потряхивать. Противная слабость... Думаю, я просто боюсь. Все это время я старательно отгоняла дурные мысли. Но ведь они были и решили навестить меня именно сейчас.

С другой стороны пюпитра стояла Сания и ее муж в алом с коричневым костюме. Похожая тяжелая цепь по плечам.

За пюпитром священник в алом облачении. На скамье сидел пожилой седой мужчина, леди Фания и король. Он тоже был и пожилой, и седой, но то, что он король, было заметно. Сложно объяснить, почему. Аура власти? Взгляд? Не знаю...

Я стояла боком к скамье и не могла рассматривать слишком нагло. На вторую скамью сели отец, леди Тания и еще одна пожилая дама, понятия не имею, кто.

Священник запел, язык был мне незнаком, что-то читал и несколько раз брызнул на нас водой. Потом обратился к жениху Сании. Все как обычно. Следующей парой были мы.

– Марк, лорд Шарон, граф Ромский, согласны ли вы, перед лицом господина нашего, взять в жены леди Катрин Буррад, оберегать ее от невзгод и злобы, служить ей опорой и примером, любить и почитать ее?

– Да!

– Леди Катрин Бурад, согласны ли вы, перед лицом господ нашего, взять в мужья Марка, лорда Шарона, графа Ромского, быть ему светом в жизни, рожать ему детей и хранить верность, любить и почитать его?

Голос сел... Что-то я разволновалась. Надо бы взять себя в руки.

Граф смотрит мне в глаза, и так хочется верить, что все будет хорошо!

К добру или к худу... я тихонько кашлянула, чтобы голос не захрипел, и сказала:

– Да!

* * *

Напрасно я ждала положенных слов «Объявляю вас мужем и женой!». Напротив, священник замолчал, а к нам, встав со скамейки, подошли его величество король Бого Двенадцатый и фрейлина королевы, леди Фания, баронесса Рибут.

В толпе зазвучали голоса:

– Лирд! Сейчас будут записывать лирд!..

Король обратился к лорду Зобе:

– Ваше слово, граф Пуго.

– Я хочу, чтобы моя жена подарила мне сына в течении пяти лет!

– Ваше слово, леди Сания Бурад.

– Я хочу в лирд пятьсот салем.

– Я слышал и запомнил, – сказал его величество.

– Я слышала и запомнила, – ответила ему баронесса Рибут.

– Я дарю своей невесте лирд в пятьсот салем! – С этими словами граф снял с пояса небольшой атласный мешочек и подал его Сании.

– Я видел и запомнил, – повторил король.

– Я видела и запомнила, – добавила баронесса.

– Ваше слово, граф Ромский.

– Я хочу, чтобы моя жена подарила мне сына в течение... – И тут он запнулся. Пять лет его не будет со мной.

– Шести лет, милорд, – тихонько подсказала я.

– Вы уверены, миледи? – обратился ко мне король.

Он-то знал, что муж пять лет будет у него на службе.

– Да, ваше величество.

– Итак, граф Ромский, говорите.

– Я хочу, чтобы моя жена подарила мне сына в течение шести лет.

– Ваше слово, леди Катрин Бурад.

Я видела, как рука графа потянулась к поясу. Э-э-э нет, дорогой муж! Так дешево меня не купить.

– Я хочу в лирд разрешение мужа зарабатывать деньги и тратить их по своему разумению.

Растерялись все, в том числе и его королевское величество.

– Дитя мое, – обратился он ко мне, – дитя, вы уверены? Не лучше ли вам не идти против традиций и принять от мужа обычный подарок?

– Нет, ваше величество, не лучше.

– Но как вы собираетесь зарабатывать? Вы же леди, вы не можете... Ну, допустим, пойти служить!

Вокруг захихикали и зашептались сопровождающие короля...

Я немного потупилась, хлопнула несколько раз ресницами и сказала:

– Ну, ваше величество, например, я придумаю красивую помаду. Могу же я отдать ее купцу на продажу?

Король заулыбался.

– Конечно, можете, милая леди. Но это когда еще будет, а пятьсот салем совсем не плохие деньги, поверьте мне! Может быть, вы все же передумаете?

– Нет, ваше величество. Не передумаю. Я хочу именно такой лирд!

Мельком я взглянула на скамью, где сидела леди Тирон. Лицо у нее было багровым – она поняла, что денег с меня не получит. Отец Катрин, надо сказать, тоже не отличался здоровым цветом лица. Интересно, это он из-за денег так? Или просто опасается, что граф не примет такой лирд и свадьба сорвется?

– Ну что ж, леди. Это ваше право! Граф, вас устраивает такой лирд? Я так понимаю, что для вас он тоже несколько неожидан.

– Все, что моя жена сможет заработать, она сможет тратить по своему усмотрению. Обещаю не чинить ей препятствий, если ее действия не будут порочить мое имя. Слово Ромского!

Граф смотрел мне в глаза без улыбки, и я понимала, что вечером предстоит трудный разговор.

– Я слышал и запомнил, – с улыбкой сказал король.

– Я слышала и запомнила. – Баронесса неожиданно подмигнула мне.

Откуда-то из-за спин людей вышел юноша и протянул два листа на красивом серебряном подносе на подпись королю. Во второй руке он держал чернильницу с пером. Его величество расписался, придавил кольцом маленький комочек шерсти в коробочке, пропитанный чернилами, приложил перстень и вытер его о лоскут сукна. Следом расписалась баронесса и тоже приложила перстень-печатку. Один лист дали на подпись мне и Марку, второй получили Саня с мужем.

Потом листы вернули писарю.

– Поторопитесь с копиями, Барсет. Мы уезжаем сразу после венчания.

– Слушаюсь, ваше величество.

Юноша поклонился королю и нырнул в толпу.

Все уселись на свои места.

Священник продолжил процесс, и через несколько минут, после благодарственной молитвы и неловкого поцелуя Саньи и мужа, в наш адрес прозвучало то самое:

– Объявляю вас мужем и женой! Можете поцеловать вашу жену, граф.

Марк взял мое лицо в обе руки и как-то странно поцеловал меня в угол рта.

И что я должна думать? Он злится? Удивлен? Что-то заподозрил?

Внесли два подноса с белыми караваемыми и небольшими серебряными стопочками.

Первыми преломили хлеб и выпили по стопке Саня с мужем, потом – мы. Это было очень сладкое крепленое вино. Благо стопки были чисто символические. И мы с сестрой стали обносить гостей. Каждый брал стопочку и отламывал кусочек от каравая. Минут через пятнадцать все закончилось.

Его величество пожелал нам счастья, подписал уже готовые копии и удалился. Юный Барсет вручил по копии всем четверым новобрачным. Я сложила свою и убрала в потайной карман платья. Народ потянулся из моленной комнаты провожать короля.

Нам всем отец велел идти в зал и садиться за стол. Всю дорогу до зала мой муж молчал.

Когда мы расселись за высоким столом и стали ожидать отца, леди Тирон и прочих гостей, он сказал:

– Думаю, нам найдется о чем сегодня поговорить, леди жена!

Это не звучало угрозой. Но все равно немного напрягло меня.

Вспоминать свадебный пир мне не слишком хочется. Вернулся отец с леди. Выговорил мне за глупые требования... «Бестолковая девчонка, могла бы получить деньги на булавки».

Мне даже на душе стало немного легче. Все же папенька не был конченным уродом. С деньгами Тирон явно собиралась провернуть номер за его спиной. Тирон сидела с постным лицом. Интересно, у Сании она попытается вытянуть деньги?

Марк ел с аппетитом, пил очень мало, точнее – просто смачивал губы. В этом плане серебряные кубки гораздо предпочтительнее стеклянных.

Заздравные тосты быстро закончились, гости начали шутить. Чем больше было выпито, тем рискованнее были шуточки. В зал запустили трех музыкантов. Один с аналогом гитары, и двое – певцы. Один из них безобразно фальшивил, но никого это сильно не волновало. Кого-то слуги уже вывели из-за стола... Часам к семи вечера я уже вымоталась так, что мечтала только об одном: лечь в постель.

Встал отец Катрин и произнес тост о том, что молодым найдется чем сегодня заняться и пусть они уже идут в опочивальню.

В спальне Фица обмыла меня теплой водой, помогла смыть косметику. Одеда меня в ночную рубашку – она уже поняла разницу между ночной рубашкой и сорочкой – и, подкинув дров в камин, удалилась.

* * *

Все же сил в теле ребенка было не так и много, потому что я угрелась и уснула. Затрудняюсь сказать, сколько времени я спала. Вряд ли больше часа.

Проснувшись я от того, что мой муж склонился надо мной, держа в руках подсвечник с тремя толстыми свечами белого воска.

Я села и подтянула одеяло повыше. Я понимала, что сейчас, без косметики, платья и прически, выгляжу совсем ребенком. Но что-то объяснять не торопилась. Сперва нужно понять его настроение.

Продолжая держать подсвечник, муж сел у меня в ногах и потребовал.

– Встаньте, миледи.

Я вылезла из-под теплого одеяла и передернула плечами. Камин горел, но под одеялом все равно было значительно теплее.

– Снимите сорочку, леди Катрин.

Я даже спорить не стала.

Муж скептически оглядел мое тело и спросил:

– Вы серьезно думали скрыть от меня свой возраст? Вы, конечно, милый ребенок, но в жены вы не годитесь, это подтвердит любая монахиня-лекарка.

Я молча передернула плечами – мне было зябко.

– Да оденьтесь уже, леди, и залезайте под одеяло. Только простуды вам и не хватает!.. – В его голосе звучало раздражение. – Неужели вам не объяснили, что с мужчиной в постель можно ложиться только после того, как ваше тело созреет для этого?

– Господин граф, моя мачеха, леди Тирон, солгала отцу. Я могла поднять скандал и открыть отцу правду. Но он бы опять уехал из дома, а я бы осталась полностью в ее власти. А так, если вы не потребуете моего освидетельствования монахинями, вы увезете меня отсюда. И я больше не буду спать зимой в нетопленной комнате. А все остальное, включая приданое и лирд, остается в силе. Для вас тоже выгоден этот брак, господин граф. Поэтому я и рискнула. Думаю, мы сможем договориться.

– Прелестно, миледи, просто прелестно! А вы знаете, что завтра с утра мы должны будем предъявить вашим родным и гостям окровавленную простыню?

– Знаю, господин граф. Но не вижу к этому особых препятствий. У вас же есть кинжал?

Похоже, граф растерялся от таких вот готовых ответов.

– Вы обо всем подумали, миледи?

– Я очень старалась. Понимаете, вам ведь тоже будет гораздо приятнее совершить консумацию, когда вы уже вернетесь домой. Во-первых, вы совершенно точно найдете меня повзрослевшей, окрепшей и красивой. Во-вторых, вы будете знать, что ваша жена ждала вас, а не тискалась с кем-то по углам. Согласитесь, пять лет – большой срок.

– Однако, я начинаю подозревать миледи, что это все придумали не вы сами. Слишком сложно для девочки все это рассчитать.

Я подумала и согласно кивнула головой.

– Мне подсказала Дага, моя служанка. Она меня любила и боялась, что леди Тирон может мне навредить.

– Вы хотите взять ее с собой?

– Увы, господин граф, она умерла совсем недавно от простуды.

– Жаль, она безусловно была мудрая женщина, и я был бы спокоен, что рядом с вами человек, который не даст натворить вам глупостей, пока я буду в отъезде.

– А ваша матушка, граф?

– Марк. Зови меня Марк, дорогая жена! – Он рассмеялся. – Я, надо сказать, не чувствую себя мужем. Скорее уж – отцом, у которого внезапно появилась дочь-подросток.

– Тогда уж, Марк, братом. Сводным. – Я улыбнулась.

– А если бы я не уезжал на службу? Как бы вы выкрутились тогда, мадам?

– Я сказала бы вам правду до брака и предоставила бы решать самому.

– Почему же вы не сделали этого со мной? Вам показалось, что я не заслуживаю доверия?

– Нет. Но для разговора мне бы нужно было выбрать время и застать вас одного. Это явно не те сведения, которые стоит обсуждать при посторонних. А сделать это было довольно сложно, согласитесь. Поэтому я и решила пока сделать так. Ни вы, ни я ничего не теряем в случае отложенной брачной ночи.

– Да, Катрин. Я думаю, что у вас есть и ум, и характер, и сила воли. Вы очень неглупы. Пожалуй, я не буду поднимать шум. Если вы мне сейчас объясните, что такое происходит с вашим лицом. Днем вы однозначно были взрослее и...

– И красивее? – Я засмеялась. – Главное, что у меня правильные и красивые черты лица. Это и есть врожденная красота. Я только немного подчеркнула ее красками. Красота стоит очень дорого. А я умею ее создавать.

– Ага, вот и ответ на следующий мой вопрос! О вашем странном лирде. А откуда у вас такие сведения, Катрин?

Мне даже тут повезло, что я запомнила слова Даги. А валить все на покойников – очень удобно. Пойди проверь, где именно я лгу.

– Меня учил читать и считать гвайр Людус.

– Да, ваш отец говорил, что вы получили хорошее образование.

– Вот. Он увлекался на досуге алхимией.

– Только не говорите, что вы собираетесь искать философский камень!

– Вовсе нет, Марк. Эти поиски не для женских умов. Пусть золото ищут мужчины. А вот попутно он сделал несколько не очень важных открытий. И рассказывал мне. Вот так я и узнала. Потому и запросила такой лирд. Я не собираюсь всю жизнь быть на обеспечении мужа. Согласитесь, Марк, иметь жену, которая со временем перестанет тянуть деньги на платья, это очень хороший бонус.

Вроде бы так – нормально сказала. И подчеркнула, что не считаю женщин умнее, но и себя не обидела. А уж перспектива сэкономить, пусть и в будущем, должна его порадовать однозначно.

– Значит так, дорогая жена, с этого момента мы говорим друг другу «ты». Достань кусок чистой ткани – перевязать ранку. Утром ее никто не должен видеть. Ты мне действительно нравишься, малышка. Но поклянись, что больше вранья не будет.

– Клянусь господом нашим! – торжественно сказала я.

Если учесть, что я атеист, то клятва не слишком меня обязывает. Но я не собиралась ему больше врать. Он честно простил мне надувательство и отнесся хорошо. Он не глуп, не качает права, объявляя себя самым умным и главным. Нет, думаю, что в глубине-то души он в это свято верит, но хоть ведет себя прилично. А от добра добра не ищут.

Но меня насторожило то, что на вопрос о своей матери он предпочел не отвечать.

* * *

На следующий день с утра я проснулась от странного ощущения. Ночью мой муж подгрел меня к себе, прижал мою спину к своему животу и так и удерживал. Сквозь тонкую ткань сорочки я пятой точкой ощущала некоторое неудобство. Честно – мне стало страшно, и я попыталась аккуратно вывернуться из-под его руки.

Думаю, я его разбудила, потому что хриплым со сна голосом Марк буркнул:

– Лежи спокойно и не елозь. Раз уж ты моя жена, привыкай. Для мужчины это естественно. Так что не стоит бояться. Потом, когда станешь старше, увидишь, что там.

Я еле сдержала нервный смешок. Похоже, с мужем мне таки повезло. На редкость вменяемый парень.

– Когда нам нужно вставать?

– Нас разбудят, когда придут за простыней.

– Марк, а почему ты вчера не захотел рассказать мне про свою маму?

– Вот же... заноза мелкая.

Я повернулась к нему лицом. Глаза у него были янтарно-карие, красивые. Но он хмурился.

– Марк, если знаешь точно, к чему готовиться, не так страшно.

– Моя мама – леди. Она – украшение графства. Но жить с ней под одной крышей не слишком легко.

– Почему?

– Она слишком безукоризненна. Она всегда точно знает, что и как нужно делать. От нее не скроется ни одна мелочь. Но все это касается только внешней стороны.

– Это как?

– Ну, ее не интересуют дела графства, ее не интересует, где берутся деньги на ее прихоти. Что была война и крестьяне разорены – тоже не ее проблема. Зато не дай бог горничная подаст ей не те туфли.

– Ты любишь ее?

– Она любила моего старшего брата. Да и то... потому, что он наследник. Я никогда особо не пользовался ее вниманием.

– Я поняла. Можно еще один вопрос?

– Спрашивай.

– Кто из нас старше? Я или она?

– Естественно она!

– Нет, ты не понял вопрос. Я сейчас – графиня. А она – вдовствующая графиня. Так кто из нас старше по положению?

– С ума сойти! Уж не собираешься ли ты объявить ей войну?

– Зачем мне с ней воевать? Я хочу понять, кто из нас главнее в замке.

– Ну, по социальному статусу старше ты.

Так я и думала. Со смертью мужа женщина теряет часть своего статуса. Так было и на Земле. Другой вопрос, что я буду делать с этой безукоризненной дамой? Вряд ли ей понравится

подчинятся малявке. Но и я плясать под дудку idiotских правил не буду. Судя по тому, что он рассказал, маман – та еще эгоистка. Конечно, дай бог, чтобы я ошиблась.

– Знаешь, мне нравится, что ты все понятно объясняешь.

Он засмеялся.

– Кто бы мне сказал, что вместо любви я с женой буду определять ее статус, – не поверил бы!

Тут я поняла, что возникла еще одна проблема. Я хотела в туалет.

– Марк, одевайся и иди из комнаты?

Он удивился.

– Ты меня гонишь?

– Нет, но мне нужно, чтобы ты вышел!

– Зачем?

Ну, вот как ему объяснить-то?

– Так, лисица, не хитри, а говори прямо!

– Я в туалет хочу!

– У тебя же есть ночная ваза? Я видел сам, своими глазами.

Он уже смеялся надо мной.

– Марк, иди из комнаты!

– Ну, не стоит первое утро семейной жизни начинать со скандала!

Он вскочил резко и быстро. Его нелепая сорочка до колена скрывала тело. Но я все равно немножко подсматривала. Крепкий высокий парень. Ноги ровные и не слишком волосатые. Одевался он быстро.

Он наклонился над кроватью, чмокнул меня в кончик носа и сказал:

– Я пришлю тебе служанку, но не вылезай из-под одеяла, пока не затопят камин.

Выйти он не успел. В дверь постучали и, не дожидаясь разрешения, вошли священник, отец, леди Тирон и леди Фания. Пятой была та самая женщина, которая сидела на скамейке в молельной комнате. Я так и не рискнула спросить, кто она такая.

Мне было стыдно, что все пялились на нас. Но, похоже, Марк был к этому готов. Он ловко завернул меня в одеяло и весь этот кокон взял на руки.

– Вы можете забрать свидетельство, леди Фания.

Леди подошла и аккуратно сняла с кровати простыню с несколькими пятнами крови.

– Все ли благополучно, милорд?

– Да?

– Все ли благополучно, леди?

– Да, все хорошо.

– Значит, графиня Шарон, вам повезло больше, чем вашей сестре.

С этими словами все и вышли. Марк посадил меня на кровать и велел ждать служанку.

О чем говорила леди Фания, я поняла только за поздним завтраком. Наш отъезд отложили – его величество изволил задержаться еще на один день. Сестра вышла к завтраку с таким лицом, что мне стало ее жалко. Похоже, у нее даже несколько сосудов в глазах лопнули. И то, что она долго плакала, было видно. Опухшие веки, прокушенная губа. Зато этот жирный ублюдок прямо сочился самодовольством. Я заметила, как поморщился Марк, глядя на него. Завтракали все молча и быстро. Гости частью разошлись вчера, частью разъезжались сегодня, сразу после еды. В комнату мы вернулись вместе. Я предложила спросить на кухне чая и еще поговорить.

– Марк, расскажи, почему женят всех из разных государств? Почему ты говоришь на нашем языке без акцента?

– Потому, что еще семьдесят лет назад это было единое государство. И язык у нас одинаковый.

– А теперь хотят снова объединить?

– Да, у вашего короля нет наследника. Зато есть два брата, с которыми он не слишком ладит. Вот чтобы вновь не вспыхнула война, как раньше, ваша принцесса выйдет замуж за нашего принца. И страна вновь станет целой.

– А где будет столица? У вас или у нас?

– Столица будет общая, на границе, где была старая.

– А сколько нам ехать?

– От сорока до пятидесяти дней. Смотря по погоде. Если будут бураны снежные, то может получиться и дольше.

Он еще немного посидел со мной, рассказывая про свой замок, а потом сказал, что должен пойти проверить своих солдат.

– А можно я с тобой?

– Зачем, малышка?

– Я хочу посмотреть, в чем я поеду.

– Хорошо, одевайся.

Марк отвел меня к небольшой крытой повозке и наказал никуда не отходить.

– А соседняя повозка?

– Это для леди Сании.

Интересная конструкция. Полозья, но явно можно переставить на колеса. Сам домик-коробочка висит на очень толстых кожаных ремнях. Значит, даже на колесах будет трясти меньше. Внутри есть диван, на нем можно спать во время движения. Даже ремень есть – пристегнуться. В углу маленькая печка, типа буржуйки. Она на высоких ножках и прикручена к полу намертво. И два небольших застекленных окошка. Если учесть, что тут мне предстоит провести месяца полтора минимум радоваться нечему. Хотя верхом мне было бы еще хуже.

У Сании домик был побогаче. На дверцах резьба, да и окошек аж четыре. Ну, лучше бы два, но с двойным остеклением. Но внутрь я не полезла. От греха...

Когда я повернулась к дому, то увидела, что из окна, которое сейчас спешно закрывали, выкинули длинный шест и к нему прикрепили две простыни со следами крови.

Вот же идиотизм!

* * *

После завтрака я стала одеваться в дорогу. Фица суежилась рядом. Она уже сбегала и растопила печку в кибитке. Ну, я понимала, что это не совсем точное название. Но больше не придумала, как называть. Так что пусть будет кибитка. Как у кочевых племен. Самым неприятным моментом оказалось то, что Фицу брать в домик нельзя. Не положено леди ездить со служанкой. Для нее и горничной Сании была приготовлена отдельная повозка. Там еще поедут лакеи короля. И там нет печки. Я отдала Фице свой старый плащ. Наказала взять вычищенные войлоки. Не хватало еще простудить ее.

– Ой, да вы, леди Катрин, не волнуйтесь сильно. Там соломы такой слой, что холодно не будет. И дверка на шнуровке. Да и ткань не только холстина – внутри войлоком все обито. А кибитка маленькая – надышим.

– Сапоги у тебя не слишком теплые. Надень вторые чулки. А в дороге постараемся тебе купить на меху. Нужно было мне раньше сообразить.

– Ой, леди Катрин, да для меня главное, что вы меня с собой берете! Вы не думайте, я стараться буду! И прически вам всякие научусь делать и все-все, что нужно.

В холле родного дома стояли баронесса Рибут, отец и леди Тирон. Баронесса держала в руках икону.

И что это значит? Последнее благословение?

Первыми подошли Сания с мужем. Граф встал на одно колено. Сания склонила голову и молитвенным жестом сложила руки на груди. Отец что-то негромко им говорил.

Следующая очередь – наша.

Марк встал на колено, я сложила ручки.

– Да благословит вас господь, как я благословляю. Да даст он вам изобильное потомство и достаток.

Марк и я перекрестились, и мы уже собирались отходить, когда я заметила лицо леди Тирон. Уж не знаю, в чем она меня надула, но выражение было слишком красноречивым. Ну, нет, дорогуша, не с такой улыбкой ты со мной прощаться будешь...

И я громко, на весь холл, спросила:

– Сания, сестричка, а ты в этой суматохе не забыла забрать у леди Тирон матушкино благословение? Помнишь, ты его на хранение леди Тирон отдала?

Раньше Сании вопросительно на леди Тирон уставился граф Пуго. Да, дорогая мачеха. Это тебе не затюканную девочку давить. Вот ее муж – как раз твоей весовой категории. Разбирайся.

Да, дорогая мачеха, да! Это тебе не с беззащитной Санией воевать! Ее муженек тебе точно не спустит воровство! И не криви морду, гадина. А для сестры хоть какое-то утешение будет в этих побрякушках.

Еще несколько минут суматохи. Леди с багровым лицом принесла шкатулку. Уверения Тании, что все-все-все лежит на месте, и под занавес тихий вопрос Сании:

– Леди Тирон, а было еще ожерелье с сапфирами. Вы, наверное, забыли...

Я стояла рядом с Марком и любовалась на всю сцену. Поймала на себе его вопросительный взгляд и кивнула.

И мы вышли во двор, оставив Танию отдуваться.

– Почему шкатулка с драгоценностями леди Сании была у госпожи Тирон?

– А сам-то ты как думаешь?

– А твоя?

– А свою я не отдала.

– И поэтому у тебя не топили?

– Да. Желание леди Тирон прикарманить себе чужое было слишком велико. Дага говорила, что отец хранил обе шкатулки и отдал Сании ее на десять лет. И леди взяла ее в первый же отъезд отца из дома на хранение. А я свою в десять лет не отдала. Я ее спрятала в тайнике до отъезда отца. И когда леди захотела просто отобрать ее, то не нашла. Ну, побила меня, но не успокоилась. Запомнила, что я не подчинилась...

– Теперь понятно, откуда у тебя такой боевой характер. Знаешь, мне даже легче, что ты можешь за себя постоять. Я не думаю, что графиня Шарон попытается забрать твои украшения. У нее и своих достаточно, но легко с ней не будет. Она была против нашего брака.

– Почему?

– За тобой дают только финансовые привилегии и деньги. А она хотела земли.

– А какие привилегии?

– Я говорил – пять лет буду служить при дворе в качестве капитана личной охраны короля.

– Ну, тебе будут платить так хорошо, что оно того стоит?

– Да нет, ежемесячного содержания только и хватит на приличный костюм и оружие. Жилье и еда, естественно, будут бесплатно. Зато все долги графства будут списаны. А за годы войны сумма набежала немалая. Крестьяне, и правда, разорены. И восстанавливают хозяйство медленно.

– Ах, вот оно что! А кто будет управлять графством без тебя? Я так понимаю, что графиня не станет этим заниматься?

– У нее есть кандидатура на пост управляющего. А раньше управлял отец. Три года назад и он, и мой старший брат погибли в стычке с бандитами. Так я и стал графом. И управлял сам.

– Марк, пожалуйста-пожалуйста, расскажи, что ты успел сделать за эти три года? Мне, и правда, интересно знать!

– Почти ничего. До тех пор, пока не решена была свадьба принца и вашей принцессы, я только и делал, что воевал. Банды мародеров на границе грабили и резали всех подряд. Жгли урожай, обирали крестьян, насиловали женщин. И я не всегда успевал на помощь... До тех пор, пока оба короля не прислали войска и не взялись серьезно за проблему. Но ты не бойся, сейчас земли безопасны. На границе стоит большой совместный гарнизон. И патрулируются дороги отлично. Уже восстанавливаются торговые связи. А в замке есть своя охрана. Вполне надежная. Так что не переживай, малышка. Ты больше никогда не будешь мерзнуть и голодать.

– Знаешь, я не из-за этого переживаю. Меня смущает кандидатура управляющего.

– Ого! А что именно тебе не нравится?

Но тут из дома вышли улыбающаяся Сания, прижимающая к груди шкатулку, и ее муж, который брюзжал:

– Леди должна быть экономной хозяйкой, а не бросать украшения и забывать их где попало! А если бы ваша сестра не вспомнила про них? Они бы пропали!

И столько неподдельного трагизма звучало в его голосе, что мы с Марком дружно рассмеялись!

* * *

Первые десять дней пути так вымотали меня, что я была безумно рада, когда из-за морозов мы застряли в замке вдовствующей графини Лигато. Высокая чопорная старуха принимала короля со всей возможной роскошью.

Наш обоз был просто гигантским. Около пятидесяти гвардейцев под командованием пожилого капитана. Это его место потом займет Марк. Роскошный дом на колесах – карета его величества. Отдельный дом – кухня его величества. С ним в карете ехала его фаворитка, баронесса Мирана Турская, пышнотелая визгливая и капризная дама.

Ее карета шла пустой. Домик-карета с управляющим. Он решал, где останавливаться, где закупать продукты, кого можно почтить визитом и прочее. Пухленький, румяный и шутливый лорд Карте.

– Зовите меня просто лорд Барри, госпожа графиня. Для таких прекрасных леди, как вы и ваша сестра, я сделаю все, что в моих силах!

Но глаза у управляющего были зоркие, и небрежности он не спускал. Лакеи его боялись.

Три кибитки с тканевыми крышами и без печей везли лакеев, наших с Санией горничных и конюхов. И еще одна, отдельная – двух горничных баронессы.

Через три дня в наш обоз влились еще две зимние кареты и несколько возков.

Три семейные пары после свадьбы ехали в них к новому месту жительства.

К нашему приезду постоялые дворы были вычищены от людей. Понятия не имею, куда девали постояльцев. Но почти у всей прислуги там была отвратная привычка чесаться. Подозреваю, что у них были вши. А в первом же дворе меня изгрызли клопы. Больше я не рисковала так ночевать.

Уговорила Марка спать в домике. Сиденье было широкое, и, если снять подушки, вполне можно было уместится. Чуть тесновато – зато блох не наберем. Он ворчал, но смирился с моими доводами.

С едой было совсем плохо. Нет, королю и нам готовили. Но я откровенно брезговала есть каши и похлебки. Поэтому питалась жаренным на вертеле мясом и хлебом с сыром. Была

счастлива, если подавали вареные овощи. Даже целиковая вареная морковь, которую я раньше вылавливала из супа, теперь приводила меня в восторг. А уж репа казалась пищей богов.

Поэтому три дня в доме графини Лигато, где у меня была возможность сменить белье, обмыться, пусть и не вымыться нормально, и даже спросить себе вареных овощей и молока, – это было почти удовольствие. Я помогла сполоснуться Марку, поливая из ковша, и отдала наше белье в стирку.

На следующий день я обнаружила, что руки Фицы стали похожи на наждачку. Вся кожа шелушилась и слезала.

– Это что такое?

– Это, леди Катрин, от щелочи и холодной воды. Но вы не волнуйтесь, я все выстирала и высушила.

И тут я поняла, чего мне самой не хватает. Глицерин! Какое счастье, что в свое время я так усердно изучала натуральную косметику!

Я обязательно сделаю глицерин. В моем прежнем мире его открыли только к концу восемнадцатого века. Думаю, что здесь он неизвестен. У меня от мороза немного заветрелось лицо. А впереди еще почти месяц в дороге. Я морщинами обзаведусь. Пожалуй, смогу сварить глицерин даже на огне камина в нашей комнате! Так и стоит сделать. Кто знает, сколько еще продлятся морозы.

Сразу после ужина я посетила кухню замка. Это было огромное помещение с двумя гигантскими каминами. Несколько поваров-мужчин, крепкие молодые помощники, посудомойки и просто подсобники. В кухне крутилось человек двадцать.

На огромных столах лежали ощипанные тушки птиц, кажется гусей. Две женщины сидели у корзины с пухом и выдергивали перья из кур. Рядом стоял бак с горячей водой, куда они время от времени макали птицу – чтобы легче вылезали перья. Огромная говяжья четверть занимала пол стола.

Рядом с сырым мясом сервировали вечерний десерт для короля и его дамы. Ну да, а потом удивляемся, откуда глисты! Фу! Я обязательно лично обучу кухарку. И плиту нормальную нужно будет завести.

Я поблагодарила главного повара, гвайра Пурри, за прекрасный ужин и попросила его о помощи.

Гвайр был польщен, что графиня не поленилась спуститься в кухню и была столь вежлива. А уж когда протянула ему в награду серебряный рес, я смогла бы вынести под его одобрительным взглядом всю кухню! Но я попросила только мисочку говяжьего жира. К моему счастью, нашелся уже топлёный. Чашку растительного масла, чашку соли и два горшка побольше. Ну, и ложка с длинной ручкой мне не помешает. И еще немного золы, красивую чашечку и вот эти две пиалки.

– Можно, гвайр Пурри?

Нагрузив одного из подмастерьев подносом со всем необходимым, я вернулась в отведенную нам комнату.

Делать, конечно, придется на глазок.

Для начала я высыпала два стакана золы и залила их литром воды. Поставила на огонь. Вот так, пусть теперь кипит. Отставила остывать и оседать на всю ночь.

Остальное я сделала утром. Зола уже осела, и отвар из черного стал прозрачным и желтоватым. Аккуратно слила в небольшую чашку и процедила дважды. Муть в готовом продукте мне не нужна!

Марк поставил стул рядом и с интересом наблюдал, как в большой горшок я вылила чашку растительного масла и туда же кинула плавиться говяжий жир. Объем должен быть примерно равный. Не нагревая слишком сильно, жду, пока медленно растопится говяжий жир.

Раствор не должен быть слишком горячим и не должен кипеть! Плохо, что у меня нет под рукой термометров. Ну, придется определять все руками...

Очень аккуратно выливаем в растопленные жиры щелочной раствор. И, чуть подвинув горшок к огню, начинаем нагревать, постоянно помешивая.

– Марк, будь добр, открой окно. Не волнуйся, это ненадолго.

Марк поворчал о сумасшедшей идее, но окно приоткрыл. Потянуло холодным морозным воздухом. Нестрашно. Простыть так быстро я не успею. А дышать щелочными испарениями – не лучшая идея.

В течении пятнадцати минут я, тщательно помешивая, нагрела горшок. Ну, мне кажется, что пятьдесят градусов уже есть. Идеальная температура – пятьдесят два градуса. Но тут мне не добиться такой точности. Теперь отодвигаем горшок от огня и еще минут двадцать даем ему остывать. Должно быть тридцать восемь градусов. Это чуть теплее, чем моя рука. Смесь загустела, за ложкой остается след и не сразу сглаживается. Отлично!

Осталось добавить только соль. Вот эту небольшую чашку. По объему это примерно две трети говяжьего жира. Теперь тщательно все вымешиваем, закрываем окно и ставим это на холодный пол – остывать.

Дома я готовила глицерин в стеклянной термостойкой посуде, и верхний слой – слой мыла – был очень отчетливо виден. Здесь придется привыкать к тому, что есть.

Минут через сорок я собрала затвердевающее мыло с поверхности прозрачной жидкости. Мыло выставила за окно. До завтра оно замерзнет, а потом еще должно сохнуть не меньше двух-трех недель. А вот глицерин можно использовать прямо сейчас!

– Марк, позови, пожалуйста, Фицу.

На время приготовления я удалила ее. Мои секреты в этом мире стоят очень больших денег.

Я велела намазать ей руки и намазала себе. Хотя стоило сперва немного распарить кожу и напитать ее водой. Глицерин помогает сохранить влагу. А эффект от него чувствуется быстро.

Я отлила глицерина в самую красивую чашку, подала Фице и велела отнести горничной баронессы Турской. Пусть передаст госпоже, что это подарок от графини Шарон. Чудодейственное средство для смягчения кожи.

Не пристало графине ходить к баронессе самой. Ей нужно – вот пусть она и придет. Фаворитка она временная, я уже аккуратно уточнила у лорда Барри. После смерти жены король периодически увлекался очередной вдовушкой. Но не слишком часто. Так что она и не первая, и не последняя. Первый шаг я сделала. А уж найти богатых клиентов она мне поможет.

* * *

Вторая большая остановка была в Сальве. Старая столица, где активно восстанавливали и достраивали старый королевский замок. Сюда предполагалось после свадьбы переселить принца и принцессу, и здесь же, после смерти родителей, будет новая столица. Тут она и была раньше, до раскола.

Одно крыло уже было готово, и его величество заселился туда. Остановка должна была продлиться около десяти дней – ждали визита второго короля. Нам для жилья отвели вполне приличные покои, так как его величество путешествовал практически без свиты. Большая комната с двумя каминами и небольшим количеством мебели. Белье пришлось достать свое – на кровати даже не было пуховика или матраса.

На данный момент мы и составляли свиту его величества. Меня угнетали обеды и ужины с королем и баронессой Турсой. Раздражало ее нелепое кокетство и визгливый смех. А она испытывала ко мне сложные чувства. Я графиня и выше ее по статусу. Это ее нервировало.

Я не красилась в дороге и выглядела маленькой, бледной, невзрачной... Это ее, безусловно, радовало.

Глицерин произвел на даму потрясающее впечатление. Во время ужина она с разрешения короля усадила меня с собой и выспрашивала о косметике. Я отвечала, что меня учил грамоте и счету старый алхимик. И от него мне и достались несколько секретов. Пришлось пообещать, что если я буду делать еще что-либо столь же великолепное, то она будет первой, кто это опробует.

Ну, для моих идей, прямо скажу, не худший вариант.

У Сании и ее мужа кажется что-то наладилось. Мы практически не общались, только приветствовали друг друга, когда сталкивались. Сидели они тоже за верхним столом, но с самого края. Думаю, это расстраивало мужа Сании. Ей я тоже послала пиалку глицерина, но благодарности дождалась только от графа. Этот господин рассыпался в благодарностях и подарил мне в ответ красивую белую жемчужину без оправы.

Даже неловко стало. Но потом я поняла, что он и сам охотно пользуется глицерином и не станет жалеть денег на кремы и бальзамы. Ему нравится хорошо выглядеть. Это натолкнуло меня на мысль о мужской линии. С самыми простыми, но мужскими запахами. Кстати, Марку отлично подошел бы запах хвои.

Зато в замке, где уже начали набирать прислугу и раздали некоторые придворные должности, я познакомилась с настоящим алхимиком. Довольно противная личность оказалась. Грязный и дурно пахнувший пожилой мужчина, любитель плотно поесть и громогласно срыгнуть. Благо, что за столом король запретил это делать.

Его величество вообще отличался некоторой брезгливостью, что меня радовало. Во всяком случае за королевским столом в каждое блюдо была положена отдельная ложка для раскладки, и никто не лез руками, как в доме отца. Кроме того, за спиной каждой пары обязательно стоял лакей в кожаных перчатках. Только королю и баронессе полагалось по лакею на каждого. Зато слугам запрещалось трогать еду руками.

В чистоте перчаток я тоже сомневалась, но у obsługi были отдельные ножи, кухонные щипцы, ложки и лопатки. Супы и каши я по-прежнему брезговала есть, хотя и очень хотелось. Но по крайней мере, овощи, прежде чем они попадали в мою тарелку, не хватили грязными руками. Больше всего я боялась дизентерии или еще какой-нибудь заразы.

По моей нижней просьбе король приказал алхимику ознакомить меня со своей лабораторией. Думаю, если бы не прямой приказ его величества, гвайр Фонг и на порог бы меня не пустил. Немного поразмыслив, я уговорила Марку пойти со мной. Остаться с недовольным и надменным гвайром наедине мне не хотелось. А Марк сможет заставить его отвечать на вопросы.

Как и всякий алхимик своего времени, гвайр Фонг был еще и аптекарем. Ну, все, что я увидела в его лаборатории, подтверждало мои знания. Но и тут после того, как я наслушалась его рассуждений о превращении веществ из одного в другое, я ухитрилась купить у него многое. В том числе и большой, плотно укупоренный горшок медного купороса, примерно килограммовый кусок серы, точнее, камень с наростами кристаллов.

Прихватила и небольшие куски талька – хорошее качество и отлично пойдет на тени и пудры. За все это мне пришлось отдать два двойных салема. Это большие деньги, и Марк поморщился. Но, хвала всевышнему, вмешиваться не стал. Разглагольствования гвайра о золоте Марк слушал с удовольствием. Как ни странно, но ему было интересно. Я еле утащила его от творца этих безумных теорий.

Днем иногда было время, и мы с ним охотно ходили на прогулку в город. Там я купила довольно дешево осколки слюды, уже не годные на то, чтобы вставить в рамы вместо стекол. Мне понемногу становилось спокойнее. Я смогу здесь зарабатывать. Очень порадовала лавка

торговца пряностями. Покупать я ничего не стала. Марк сказал, что дома все это будет значительно дешевле.

Я смотрела ткани, купила Фице теплые сапоги и еще пару чулок. Зарплату здесь слугам не платили. Оплачивались только некоторые места. Дворецкий, повар, управляющий. Остальных кормили и одевали, это считалось достаточным. А Фица старалась на совесть. Я видела, что ей тяжело таскать каждый вечер горячую воду в комнату, она уставала. Поэтому попросила Марка приказать лакеям. Муж, кстати, с удовольствием обмывался каждый вечер.

Дома я возьму для работы крепкого мужчину. Ну, или придумаю баньку поближе к воде. Я собиралась немного изменить систему. Но пока просто следила за одеждой и едой Фицы.

«Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

* * *

Глицерин второй раз мне пришлось варить еще в Сальве. То ли Саня постаралась, то ли ее муж, но три молодые дамы, которые присоединились к королевскому поезду, а также их мужья выразили желание купить удивительный смягчитель кожи для себя. Посуду я зажала с королевской кухни. Там же взяла и золу – мой камин ежедневно чистили. Знала бы – оставляла бы всю себе.

Остальное купила на местном рынке. Ни к чему выдавать набор и количество ингредиентов. За примерно двухсотграммовую пиалку я назначила цену в один салема. Так что разом отбила все расходы. Предупредила, что средство нужно держать в прохладном, но не промерзающем месте и, когда оно помутнеет, пользоваться больше нельзя. Прочитала покупателям маленькую лекцию о том, что, прежде чем смягчать кожу, ее желательно вымыть и немного распарить.

У леди Приги, одной из моих спутниц, в городе жила вдовствующая богатая тетка с двумя незамужними дочерьми. Через день у меня появилось заказов на ведро глицерина. Я успела купить большой котел, потом заберу его домой, и сварила глицерин еще несколько раз.

Марка это начало нервировать. Деньги из воздуха, как он их назвал. В общей сложности я увозила из Сальвы чистых шестьдесят четыре салема.

Я бы и еще успела заработать, но прискакал курьер с письмом от Сарма Второго, короля моей страны. Его величество болен и не приедет. Он пришлет ко двору короля Клайва Мартеля Бого Двенадцатого своих представителей, которые оговорят все условия брачного договора и от его имени подпишут.

Все это мне за чашечку глицерина поведал помощник секретаря короля, тот самый юный красавчик Барсет, который писал договоры и копии на моей свадьбе.

С утра мы снова были в пути. Марк иногда выбирал время и подсаживался ко мне в карету. Погреться и поболтать. Я вязала уже четвертый по счету чулок. Вышивать в этой кибитке было темно, да и неудобно. Так что я занимала руки тем, что возможно.

В этот раз мы сопровождали королевский поезд в столицу Гальдии.

– Катрин, хочу с тобой поговорить.

Я отложила вязание.

– Скажи мне, ты собираешься и дальше делать вот эту жижу?

– Марк, ты дал обещание, что не станешь мне препятствовать зарабатывать!

– Я не собираюсь препятствовать тебе. Избави бог! Наоборот, меня восхищает и пугает твоя деловая хватка. Ты, конечно, научилась многому у своего алхимика, как его там...

– Гвайр Людус.

– Вот-вот, он самый... Но ведь продавать ты не могла у него научиться.

– Знаешь, Марк, когда у тебя почти ничего нет, а нужно хоть иногда добыть нормальной еды, то торговаться учишься быстро. У меня в матушкином благословении были двойные

салеми. Я однажды была на рынке, еще маленькая, с отцом. И он разрешил мне купить для себя бусинок. Я взяла самые дешевые. А сдачу попросила медяшками. Дага еле донесла этот мешок с ре. Вот на них я и покупала себе иногда нормальную еду у служанок. Не слишком часто, чтобы их на воровстве не поймали. Отцу в общем бесполезно было жаловаться. Он верил леди Тирон. А я научилась торговаться так, что любого купца уломаю. Ну, шучу, конечно. Но научилась.

Врала я без зазрения совести. Но Марк мне нужен в союзниках. А проверить все это он не сможет. Да и смысла ему проверять нет. Он видел торчащие ребра Катрин. Так что эта история была вполне похожа на правду.

– Ты пойми еще одну вещь, мне особенно-то нечем было заниматься. Так что я всегда внимательно слушала гвайра Людуса. Мне до сих пор нравится узнавать все новое.

– Ты будешь писать мне письма?

– Конечно!

– Вот. Я хочу тебя попросить. Присматривай за управляющим. Я понимаю, что ты не самая опытная хозяйка, но, если что-то подозрительное заметишь, напиши мне.

– Марк, а что именно ты считаешь подозрительным?

– Детка, у крестьян, конечно, есть задолженности. У всех. Но нельзя драть с них три шкуры. Иначе они вымрут, а не рассчитаются. Ну, и очень желательно, чтобы он не плясал под дудку графини. Мать способна спустить на свои наряды последнее.

– Тогда ты должен взять на эту работу другого человека, а не того, кого предлагает твоя мама.

– Какая ты умничка! Я бы и рад так сделать, но где я найду такого, который не будет воровать?

– Марк, скажи, а охранять замок кто будет?

– Не бойся, детка. Вот с охраной у нас все в порядке. В замке есть тридцать хороших солдат, и командует ими капитан Кирк. Он старый вояка. Не один раз ранен в стычках, но я ему полностью доверяю. Он служит семье уже восемь лет.

– Я не боюсь. Но вот подумай, в отличие от тебя, он же постоянно живет в замке?

– Да, конечно.

– Значит, он знает всю жизнь и всю подноготную каждого, кто там живет. Вот и поговори с ним. Возможно, он тебе что-то подскажет. И уж во всяком случае, он сможет здраво оценить нового управляющего.

– Отличная мысль, малыш! Отличная! Ты у меня просто умница. Мне, признаться, как-то не приходило в голову обсуждать с ним что-либо кроме оружия и нужд солдат. А ведь он неглупый человек. Отличная мысль! Ты будешь замечательной женой, я уверен!

– Я буду очень красивой женой! Даже не сомневайся!

Марк рассмеялся, поцеловал меня в лоб и взъерошил волосы. Потом вышел из домика, и через час мы уже въезжали в столицу. Там нам предстояло отдохнуть день или два, и последний рывок – к замку Шарон.

За ночь в королевском дворце меня сожрали клопы. Господи, когда уже все это закончится! Хочу нормальную чистую постель, свою собственную. Ванну и чистое белье. Удобную комнату и еду. Я готова сама встать к камину и начать готовить. Только боюсь, это совсем выбьет Марка из колеи. Он и так достаточно нервно относится к моим умениям. Хотя и ценит, этого не отнять.

В столице я купила потрясающую вещь – алькитару. Это такой медный дистиллятор, необходимый для получения эфирных масел и для изготовления цветочной воды.

Гидролаты мне пригодятся, это однозначно! Самогонный аппарат я и на месте соберу. А вот эта штука – да ей цены нет при моих замыслах! Меня не смутила даже ее бешеная цена.

Фице я наказала упаковать ее в новый сундук. Купила специально для прибора. И обложила сеном – не хочу, чтобы помяли в дороге.

Когда мы выехали из столицы, Марк сел ко мне поболтать и достал маленький атласный мешочек.

– Женам принято дарить подарки, малышка. Это тебе.

Я даже как-то растерялась. Ну, гормоны спят еще мертвым сном, Марк для меня очень хороший брат, но никак не муж.

В мешочке лежал набор из золотых сережек с синими капельками и броши с кольцом такого же стиля. А больше всего порадовало, что колечко сделано на мой размер.

* * *

В столице, с разрешения Марка, я посетила местного законника. Муж поудивлялся, но я сказала, что хочу выяснить, какие налоги должна буду платить за косметику, с кем нужно поладить и нужно ли получать разрешение на торговлю. Он махнул рукой и отвез меня туда.

Этот визит мне обошелся в целый двойной сале́м. Но гвайр Фрук, среднего роста и средних же лет господин, обладал таким пройдошистым лицом и нравом, что думаю, мне не стоит жалеть эту монетку. От него я узнала очень многое. Фица скучала в уголке и явно не понимала даже четверти того, чему меня учил гвайр.

Одну с мужчиной Марк меня не оставил. Это было не принято. Сказал, что в замке мне придется завести компаньонку, иначе я никуда не смогу ходить и выезжать. Вот уж не было печали... Надо будет выбирать даму максимально осторожно. Не хватало мне еще соглядатая за спиной.

Бумагой я в столице разжилась, но писать в кибитке не рискнула. Эти листы стоили как крыло от самолета. Но всю дорогу я обдумывала сведения, полученные от гвайра Фрука.

Последняя ночевка перед замком была самой сложной.

Марк говорил, что приедем мы завтра к обеду. Он еще вчера отправил домой гонца. Мы уже находились на землях графства. Село, в котором мы остановились, по утверждению Марка, было небедное. Но то, что я видела, радовать не могло. В самом богатом доме нам не смогли предложить ничего, кроме отвратительного хлеба. Наполовину из отрубей.

Корова на всю деревню была одна. Нас сопровождали восемь человек охраны и два возчика. Один вел мою кибитку, другой – возок, где ехала Фица и куда сгружали покупки. Нам не смогли на всех даже сделать яичницу. Точнее, сделали только для меня и Марка. Солдатам сварили по одному яйцу. Кашу, которую приготовили специально к нашему приезду, с трудом ели даже неприхотливые военные.

В доме, где нас с Марком кормили, было относительно тепло. Староста, сухой костлявый мужик, выгнал всю родню по соседям, чтобы не глазели.

Марк не был дома почти пол года и выспрашивал Шуга, что и как... Тот стоял с женой у дверей в избу, дальше не проходил. Женщина подала нам на стол, беспрестанно кланяясь. И теперь молчала, потупив глаза. Все это производило очень тягостное впечатление.

Я хорошо помнила: по одежке встречают...

Из сундука Фица достала мое свадебное платье. Я повесила его чуть в стороне от огня, чтобы не пропахло дымом, и, набрав в рот воды, фукнула на него несколько раз. Оно, конечно, сильно слежалось. Расправив руками сколько смогла, я решила помыться. Пахло от меня не так чтобы очень уж свежо. Поэтому потребовала нагреть воды во всей посуде, сколько можно. Фица, уже привычная к моим требованиям, помогла мне обмыться и вымыть голову, волосы я высушила у очага.

Думаю, в доме тепло ровно то время, пока горит огонь. После меня обмылся Марк.

Спать мы все равно ушли в кибитку. Там тепло и вроде бы до сих пор нет клопов.

Утром я оделась особенно тщательно. Платье отвиселось, воротник Фица везла отдельно, он был аккуратно скручен в трубочку и почти без заломов. Волосы она мне уложила, как на свадьбу, но косметикой я не смогла воспользоваться. Черепок с краской то ли украли где-то на последних ночевках, то ли мы сами забыли. Цена ему была копейка, потому я не стала ругать ревущую Фицу.

Пришлось поклясться, что не накажу и на нее не думаю. Зато я надела набор, который мне подарил Марк. Серьги и брошь, которой я заколола воротник, смотрелись очень хорошо. Кольцо я надела на безымянный палец правой руки. На левой поблескивало гладким ободком обручальное. Думаю, из того, что было мне доступно, я выжала максимум.

Марк уже начал ворчать, что я слишком долго вожусь. Сам он тоже приделся и накинул тот красивый плащ, который был на нем на свадьбе. Надел узкую золотую полоску венца с крупным алым кабошоном. Камень поддерживали золотые листочки. Отлично смотрелось. Интересно, мне такой положен?

После полудня показалась громада замка, и через час мы подъехали к нему.

Четыре квадратные башни со смотровой площадкой наверху каждой. Метров пятнадцать в высоту. Между собой соединяются крепостной стеной. Сам замок не слишком высок. Кажется, всего четыре этажа, считая и полуподвальную кухню.

В двух башнях, как говорил Марк, жили солдаты. Четвертый этаж занимала графиня Шарон и ее придворные дамы. К зданию замка примыкали конюшни и службы. Думаю, летом здесь будет редкостная вонь.

Сам Марк занимал второй этаж. Там были покои отца, туда он и перебрался после его смерти. Там же буду жить и я.

Нас встречали. На высоком каменном крыльце стояла графиня. Она выделялась одеждой, не узнать было невозможно. Ярко алая шуба. Покрытие то ли атлас, то ли шелк, на таком расстоянии не различить. Дамы сопровождения одеты в серые и коричневые тона. Шесть человек. Рядом с мадам, на шаг позади, стоял управляющий. Уже одно то, что он протезе этой особы, не вызывало у меня восторга. Но – посмотрим.

За вдовствующей графиней и сопровождением толпилась группа поддержки из слуг. В целом получилась приличная толпа.

Марк подал мне руку и помог выбраться из кибитки. Как приличная и послушная жена, я шла опираясь на его руку. Наверное, это смотрелось немного смешно. Красивый молодой парень с маленькой девочкой под руку.

– Сын мой, я рада приветствовать тебя в замке Шарон!..

Графиня слегка склонила голову.

Дамы и управляющий поклонились ниже. Слуги согнулись пополам.

Ого! Голос у графини был глубокий, красивый. Но не могла бы она обратить внимание на то, что сын прибыл не один? Ничего, что сын с женой приехал? Что значит – «тебя»? Почему не «вас»?

– Мадам, я рад, что вернулся домой. Позвольте представить вам мою жену – графиню Катрин Шарон.

Надо же, как официально!

Я поклонилась даме. Она посмотрела на меня как на пустое место и даже не кивнула в ответ.

– Сын мой, твои покои готовы.

Она подошла к Марку, оттеснив меня себе за спину, и оперлась на его руку, увлекая его в дом.

В дороге я много думала над тем, что рассказывал гвайр Фрук. Некоторые сведения меня порадовали, некоторые – нет. И я представляла себе разные варианты встречи с графиней-матерью. Так что заготовка на случай трудной встречи у меня, конечно, была. Но этот

вариант был максимально фиговым из всех. Тем не менее я открыла рот и громко, но сладким-сладким голосом сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.